

18+

Будилин Константин
в соавторстве с Аидой Л. и Ириной Н.

- МОСКВА
- СТАМБУЛ
- ПАРИЖ
- НОВЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ

*Другие
города
Те же я.
Только
свободнее* ♥

ИННЫЕ
ДОРОГИ
ТЕ ЖЕ
ЦЕННОСТИ
БОЛЬШЕ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ВСЕ СВЕТОФОРЫ ЗЕЛЁНЫЕ

— Том II —

ПРАВО ВЫБИРАТЬ

роман основан на реальных событиях

*Здесь
начинается
моя новая
глава* ♥

*Хорошие
истории
всегда
продолжаются* ♥

МЕЧТАТЬ
ДЕЙСТВОВАТЬ
ВЫБИРАТЬ
ЖИТЬ

Константин Будилин

**Все светофоры зелёные.
Том II. Право выбирать**

«Издательские решения»

Будилин К.

Все светофоры зелёные. Том II. Право выбирать / К. Будилин —
«Издательские решения»,

Элина узнаёт в Алексее человека, с которым могла бы прожить жизнь. Но вскоре она уезжает в Ванкувер с Дэниелом, и внешне её жизнь складывается красиво. Чем дальше, тем труднее заглушить вопрос: свою ли дорогу она выбрала? Спустя годы Элина решается написать Алексею. Второй том романа «Все светофоры зелёные» — история о любви, самостоятельности и праве начать заново.

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	6
ГЛАВА 37	7
ГЛАВА 40	35
ГЛАВА 42	52
ГЛАВА 43	62
ГЛАВА 44	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Все светофоры зелёные. Том II. Право выбирать

**Константин Будилин
Аида Л.
Ирина Н.**

© Константин Будилин, 2026

© Аида Л., 2026

© Ирина Н., 2026

ISBN 978-5-0071-4431-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-3507-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 37. Он оборачивается
ГЛАВА 38. Три дня тишины
ГЛАВА 39. Дэниел прилетает на выпускной
ГЛАВА 40. Деловая встреча
ГЛАВА 41. Итальянский ресторан
ГЛАВА 42. Последний день отпуска
ГЛАВА 43. Как в море корабли
ГЛАВА 44. Синица и журавль
ГЛАВА 45. Билет в один конец
ГЛАВА 46. Три дня слёз
ГЛАВА 47. Стекло, океан и лодки
ГЛАВА 48. Школа на каблуках
ГЛАВА 49. Кроссовки для горы
ГЛАВА 50. Платье, которого не было
ГЛАВА 51. Золотая клетка без решёток
ГЛАВА 52. Чулок до Ванкувера
ГЛАВА 53. Красивые годы
ГЛАВА 54. Солнце над Грецией
ГЛАВА 55. Узел из простыни
ГЛАВА 56. Шоколад закончился
ГЛАВА 57. Я справилась сама
ГЛАВА 58. Испытательный срок
ГЛАВА 59. Кофе для иранки
ГЛАВА 60. Фотография Алексея
ГЛАВА 61. Привет из Одноклассников
ГЛАВА 62. Куда вы пропали
ГЛАВА 63. Десять дней для судьбы
ГЛАВА 64. Операция «Телёнок»
ГЛАВА 65. Все светофоры зелёные
ГЛАВА 66. Билет через Петербург
ГЛАВА 67. Колбаса и Медведев
ГЛАВА 68. Накануне Нового года в Мариинке
ГЛАВА 69. Игрушечный загородный дом
ГЛАВА 70. Давай жениться
ГЛАВА 71. Педаль тормоза
ГЛАВА 72. Жди, я вылетаю
ЭПИЛОГ

ГЛАВА 37

Он оборачивается

Он обернулся.

Вот так просто.

Без музыки, без вспышки света, без внезапно остановившегося дождя. Нева не вышла из берегов, фонари не зажглись одновременно, а прохожие не замерли посреди улицы, чтобы дать судьбе спокойно выполнить свою работу.

Мужчина просто услышал шаги за спиной и повернулся.

Сначала я увидела его профиль. Потом глаза. Потом спокойное, немного вопросительное выражение лица.

И окончательно поняла, что пропала.

Не в том смысле, в каком пропадают документы, ключи или здравый смысл перед увольнением и поездкой в Париж. Всё это хотя бы можно было найти, восстановить или объяснить временным помутнением рассудка.

Здесь объяснить было нечего.

Передо мной стоял Алексей Сергеевич Воронцов — человек, которого я видела впервые.

И я его узнала.

— Элина Ринатовна? — спросил он.

У него оказался низкий приятный голос. Не специально поставленный и не тот голос, которым мужчины иногда стараются произвести впечатление по телефону. Он говорил спокойно, будто мы договорились встретиться не несколько часов назад, а знали друг друга много лет.

— Алексей Сергеевич?

Мы несколько секунд смотрели друг на друга.

В обычной жизни несколько секунд — это ничто. За несколько секунд можно не успеть открыть зонт, ответить на телефон или вспомнить, куда положила проездной. Но иногда внутри этих секунд умещается целая жизнь: дом, семья, общий стол, разговоры по вечерам и чьи-то мужские ботинки в прихожей.

Я, конечно, ничего подобного представлять не собиралась.

Просто всё это сразу увидела.

Мысленно.

Очень быстро.

И совершенно без моего разрешения.

— Рад познакомиться, — сказал Алексей.

— Я тоже.

Это было первое разумное предложение, которое мне удалось произнести.

Второе не появлялось.

Я стояла перед ним, держала в одной руке зонт, в другой — пакет от Натальи Павловны и пыталась выглядеть женщиной, способной поддержать непринуждённую беседу. Получалось не очень. Зонт под порывом ветра выворачивало в одну сторону, пакет тянуло в другую, а я сама вообще собиралась двигаться в неизвестном направлении.

Алексей посмотрел на зонт.

— Разрешите?

Он взял его у меня и одним движением вернул в нормальное положение.

— Петербург проверяет гостей, — сказал он. — Если зонт выдержал первую встречу с городом, дальше ему уже ничего не страшно.

— А если не выдержал?

— Значит, город его не принял.

— Меня, надеюсь, проверяют отдельно?

— Пока результаты хорошие.

Он улыбнулся.

Я протянула пакет.

— Это вам от Натальи Павловны.

Алексей принял его и взвесил в руке.

— По весу здесь либо гостинцы, либо полный курс лечения.

— С вашей мамой одно другому не мешает.

Он рассмеялся.

— Тогда всё серьёзно.

— Она сказала передать лично.

— Мама умеет ставить задачи так, что отказаться невозможно.

— Я тоже.

— Ставите задачи?

— Выполняю.

— Всегда?

— Почти.

Я хотела сказать это легко, но на последнем слове почему-то остановилась.

«Всегда» было бы честнее.

Так я жила с детства. Если сказали учиться — училась. Если надо было работать — работала. Если поручили приехать, передать, помочь, встретиться — приезжала, передавала, помогала и встречалась. Даже колдовские чулки купила не потому, что верила в их магическую силу, а потому, что получила понятную инструкцию.

Сказали — надо делать.

Только никто ещё не говорил мне, что делать, если ты видишь незнакомого мужчину и сразу понимаешь: это твой муж.

Ни одного должностного регламента на этот случай предусмотрено не было.

— Вы давно в Петербурге? — спросил Алексей.

— Несколько дней. Я приезжаю на учёбу.

— Наталья Павловна упоминала, что вы получаете второе образование.

— Упоминала?

— Она сообщила достаточно сведений, чтобы я понял: встреча обязательна.

— А мне сказала, что вы здесь один и вам срочно требуется хорошая жена.

Я произнесла это и замерла.

Можно было соврать, что меня неправильно поняли. Можно было немедленно уехать в Казань. Можно было броситься под землю и раствориться в метро.

Но слова уже прозвучали.

Алексей посмотрел на меня. В его глазах появилось удивление, а следом — весёлый огонёк.

— Вот как.

— Примерно.

— Мне она сказала, что в Петербург приезжает замечательная девушка и было бы невежливо с ней не встретиться.

— Получается, каждому из нас сообщили только ту часть операции, которая обеспечивала явку.

— Мама работает врачом. Она знает, как разговаривать с людьми, которые пытаются уклониться от необходимых процедур.

Мы снова рассмеялись.

Напряжение исчезло.

Дождь всё ещё шёл, ветер гулял между домами, мои туфли постепенно становились непригодными для дальнейшей красивой жизни, но мне было хорошо.

Рядом с Дэниелом в Париже всё было устроено заранее. Машина, номер, рестораны, поездки, завтраки с видом на Эйфелеву башню. Он открывал двери, подавал руку и заботился обо мне так бережно, словно я была единственной пассажиркой дорогого круизного лайнера.

Алексей пока не сделал ничего особенного.

Он просто стоял под петербургским дождём, держал мой зонт и пакет от своей матери.

Но рядом с ним мне впервые не хотелось ни соответствовать обстановке, ни выбирать правильные слова, ни проверять, хорошо ли лежат волосы. Мне не надо было становиться лучше, красивее или интереснее.

Можно было просто стоять.

И это ощущение оказалось роскошнее императорского номера.

— Может быть, выпьем чаю? — предложил Алексей. — Здесь недалеко есть кафе. Иначе мама получит обратно пакет, а вы — воспаление лёгких. В обоих случаях мне придётся давать объяснения.

— Чай — разумное решение.

— Вы всегда выбираете разумные?

Я посмотрела на него.

Если бы он знал, сколько неразумных решений привело меня к этому метро, он не задавал бы таких вопросов.

— Я стараюсь, — ответила я.

Мы пошли по улице.

Алексей держал зонт так, чтобы дождь не попадал на меня. Из-за этого его собственное плечо постепенно темнело от воды. Я несколько раз попыталась сдвинуть зонт в его сторону, он спокойно возвращал его обратно.

— Вы мокнете, — сказала я.

— Я местный.

— Местным дождь не мешает?

— Местные делают вид, что его нет.

— А потом болеют?

— Но с достоинством.

Он шёл неторопливо, подстраиваясь под мой шаг. Не забежал вперёд, не тянул за собой, не касался меня без необходимости. Просто находился рядом.

Я краем глаза рассматривала его и всё больше убеждалась, что первое впечатление не ошиблось.

Высокий. Статный. Собранный.

Но дело было не в росте и не в военной выправке. Я видела красивых мужчин и раньше. В институте, на службе, в путешествиях. Красота вообще не была редкостью. Особенно если посмотреть на человека издали, при хорошем освещении и до того, как он откроет рот.

Алексей открыл рот — и стал ещё интереснее.

Он говорил полными фразами.

Сейчас это может показаться незначительным достоинством. Но после многих лет службы среди приказов, докладов, сокращений и мужских разговоров, в которых половину смысла заменяли жестом, я неожиданно встретила человека, способного спокойно развить мысль от начала до конца.

В его речи не было спешки. Он не перебивал. Не пытался немедленно доказать, что знает больше. Если я что-то рассказывала, он слушал не для того, чтобы дожидаться паузы и начать говорить о себе.

Он действительно слушал.

Это сбивало с толку сильнее его внешности.

— Ваша мама очень помогает нашей семье, — сказала я. — Бабушка и дедушка часто лежат в госпитале. Наталья Павловна относится к ним так, словно они её родные.

— Для неё все пациенты становятся родными. Некоторые потом годами звонят домой.

— Мы тоже звоним.

— Знаю.

— Откуда?

— Мама рассказывает.

Я насторожилась.

— Много?

— Достаточно, чтобы я представлял вас человеком ответственным, внимательным и способным ради близких достать Луну.

— Это я сама ей сказала.

— Значит, показания совпадают.

— А что ещё она рассказывала?

Алексей задумался.

— Что вы работаете в ГИБДД.

— Это главное предупреждение?

— Разумеется. Я теперь боюсь переходить улицу не по правилам.

— И правильно делаете.

— Даже в дождь?

— Особенно в дождь. Нарушители почему-то считают, что вода смывает ответственность.

— А если нарушитель идёт рядом с сотрудником ГИБДД?

— Тогда сотруднику приходится делать вид, что он не при исполнении.

— Вы сейчас при исполнении?

Я посмотрела на пакет в его руке.

— Я выполняю поручение вашей мамы. Это почти государственная служба.

Мы дошли до небольшого кафе. Над входом горел тёплый свет, на запотевших окнах дрожали отражения улицы.

Алексей открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Внутри было почти пусто. За стойкой скучала девушка, за дальним столиком пожилая пара делила пирожное, а возле окна сидел мужчина с газетой. Пахло кофе, мокрой одеждой и свежей выпечкой.

Мы сняли верхнюю одежду и сели у окна.

Я поправила волосы и незаметно посмотрела на своё отражение в стекле.

Отражение было не на моей стороне.

Дождь уничтожил укладку, тушь держалась из последних сил, а на щеке появилась тонкая влажная прядь. Ещё полчаса назад я считала, что подготовилась к встрече. Теперь казалось, что собиралась недостаточно тщательно.

Алексей, напротив, выглядел так, будто дождь был предусмотрен его гардеробом.

— Что будете? — спросил он.

— Чай.

— Чёрный, зелёный?

Я продолжала смотреть на него и не сразу поняла, что вопрос адресован мне.

— Не знаю.

— Это сложный выбор.

— Чёрный.

— С лимоном?

— Да.

Подошла официантка.

— Чёрный чай с лимоном, — сказал Алексей. — И мне кофе.

— Сахар? — спросила она меня.

— Не знаю.

Официантка посмотрела внимательнее.

— В чай.

— Два кусочка.

Она записала заказ и ушла.

Алексей улыбался.

— Простите, — сказала я. — Я задумалась.

— О чае?

— О Петербурге.

— И как вам город?

— Мокрый.

— Очень точная характеристика. Обычно до неё доходят после нескольких месяцев проживания.

Я рассмеялась и почувствовала, что снова могу дышать.

Потом мы говорили.

О чём именно — сейчас уже трудно восстановить по порядку.

О Казани. О Петербурге. О наших родителях. О работе, учёбе, путешествиях и городах, в которых нам довелось побывать. Алексей рассказывал так, что любой случай превращался не в хвостовство, а в маленькую историю.

Иногда он употреблял слова, которые я знала, но сама никогда не использовала в обычном разговоре. И делал это не для того, чтобы показать образование. Просто так он думал.

Я слушала и чувствовала, как внутри меня что-то раскрывается.

Не вспыхивает.

Не обрушивается.

Именно раскрывается — медленно и уверенно, как окно в комнате, где долго было душно.

Я смотрела на его руки, на выражение лица, на то, как он улыбается перед особенно ироничной фразой. Замечала, как он чуть наклоняет голову, когда слушает, и как никогда не отвечает раньше, чем собеседник закончит.

И всё время повторяла про себя:

«Это мой муж».

Потом одёргивала себя:

«Какой ещё муж? Ты знаешь человека сорок минут».

Через несколько минут мысль возвращалась:

«Нет. Всё-таки муж».

Я попыталась применить профессиональный подход.

Что я о нём знала?

Имя — Алексей.

Отчество — Сергеевич.

Мать — прекрасный врач и достойный человек.

Место жительства — Санкт-Петербург.

Речь — грамотная.

Юмор — имеется.

Рост — соответствует.

Внешность — более чем соответствует.

Семейное положение — неизвестно.

Вот на последнем пункте следовало остановиться и задать прямой вопрос.

Но прямого вопроса я не задала.

Я могла допрашивать водителей, разговаривать с начальством, принимать решения и защищать свою позицию перед целым кабинетом мужчин. Однако спросить у понравившегося человека: «Вы женаты?» — оказалось выше моих сил.

Вдруг скажет «да»?

А если скажет «нет», что тогда отвечать?

«Отлично, я вас мысленно уже выбрала»?

Нет. Такие вещи женщина говорить не должна.

Во всяком случае, так я тогда считала.

Женщину должен выбрать мужчина.

Он должен позвонить, пригласить, приехать, подарить цветы, сделать предложение. Женщина может согласиться или не согласиться. Это её законное право. Но самой выбирать мужчину, самой делать шаг навстречу, самой признавать: «Вот этого хочу» — такому меня никто не учил.

Поэтому я сидела напротив человека, которого уже считала своим будущим мужем, и вежливо размешивала сахар в давно сладком чае.

— По-моему, там уже растворилось всё, что могло раствориться, — заметил Алексей.

Я посмотрела на чашку.

Ложка продолжала кружиться в чае.

— Я проверяю.

— На что?

— На устойчивость.

— И как результаты?

— Пока хорошие.

Он улыбнулся.

Я положила ложку на блюдце.

— Вы всегда так внимательно наблюдаете за людьми?

— Нет.

— А сейчас?

— Сейчас мне интересно.

Сердце сделало то, что в служебных документах обычно обозначается словами «резкое изменение обстановки».

Я посмотрела на него.

Он спокойно пил кофе, будто ничего особенного не сказал.

Может быть, ничего особенного и не сказал.

Может быть, я уже придавала каждому слову то значение, которое хотела услышать.

С этим требовалось быть осторожнее.

Перед Парижем я придумала мужчину по письмам и фотографии, а потом едва не упала в аэропорту от столкновения мечты с реальностью. Теперь передо мной сидел реальный человек, и воображение снова пыталось немедленно построить целую жизнь.

Но разница всё-таки была.

Тогда фантазия появилась раньше мужчины.

Сейчас мужчина появился раньше фантазии.

Чай закончился слишком быстро.

Вернее, он успел остыть, пока мы разговаривали, но сама встреча пролетела мгновенно. Мне казалось, мы только сели, а за окном уже стало темнее, и девушка за стойкой начала собирать пустые чашки с соседних столиков.

Алексей посмотрел на часы.

— Вам далеко возвращаться?

Я назвала адрес.

— Провожу.

— Необязательно.

— Обязательно. Иначе мама спросит, довёл ли я вас до дома.

— Она проверит?

— Несомненно.

— Тогда не будем рисковать.

Мы вышли на улицу.

Дождь стал тише. Петербург больше не пытался вывернуть зонт и теперь просто висел в воздухе мелкой водяной пылью.

Мы шли рядом.

Разговор продолжался, но я уже почти не запоминала слов. Мне хотелось продлить дорогу. Я была готова идти через весь город, лишь бы не подходить к дому, где придётся попрощаться.

Можно было свернуть не туда.

Можно было сказать, что я забыла дорогу.

Но я слишком хорошо ориентировалась и слишком долго училась быть разумной женщиной.

Поэтому мы пришли быстро.

У подъезда Алексей остановился и протянул мне зонт.

— Спасибо за встречу.

— Вам спасибо.

Он поднял пакет.

— И за это.

— Надеюсь, там действительно гостинцы, а не назначения на месяц.

— Если назначения, я буду знать, кого винить.

Наступила пауза.

Это была та самая пауза, во время которой мужчина должен попросить номер телефона, назначить следующую встречу или хотя бы сообщить, что позвонит.

Но мой номер у него уже был.

Он ведь позвонил мне перед встречей.

Следовательно, спрашивать его ещё раз было нелогично.

Я ждала других слов.

— Был рад познакомиться, — сказал Алексей. — Надеюсь, Петербург вас всё-таки примет.

— Я тоже надеюсь.

— Доброй ночи, Элина Ринатовна.

— Доброй ночи, Алексей Сергеевич.

Он немного наклонил голову, улыбнулся и пошёл по улице.

Я вошла в подъезд.

Поднялась на несколько ступеней.

Остановилась.

Потом вернулась к двери и посмотрела сквозь стекло.

Алексей ещё не дошёл до поворота. Высокий, спокойный, по-прежнему с пакетом от матери в руке. У фонаря он на секунду задержался, словно собирался оглянуться.

Я почти перестала дышать.

Но он поправил воротник и пошёл дальше.

Я поднялась в квартиру.

В коридоре стоял телефон — обычный домашний аппарат с проводом. Тот самый, по которому Алексей позвонил мне перед встречей.

Я сняла трубку.

Гудок был.

Положила обратно.

Через несколько секунд сняла ещё раз.

Гудок никуда не исчез.

Телефон работал.

Значит, препятствий не было.

Я вошла в комнату, сняла туфли и села на кровать. Перед глазами снова возникали его лицо, улыбка, руки, поворот головы. Я вспоминала отдельные фразы, а потом начинала сомневаться, именно ли так он их произнёс.

Но в одном не сомневалась.

Я встретила человека, с которым хотела пройти всю жизнь.

Не провести неделю в Париже.

Не отправиться в красивое путешествие.

Не попробовать построить правильное будущее.

Пройти жизнь.

Вместе.

Оставалось только дожидаться, когда Алексей поймёт то же самое.

Я посмотрела на телефон.

Сегодня звонить было, конечно, рано.

Он проводил меня совсем недавно. Ему ещё нужно было добраться домой, открыть пакет, позвонить матери и рассказать, что поручение выполнено.

Завтра он обязательно позвонит.

Я была в этом уверена.

Почти.

ГЛАВА 38

Три дня тишины

В ту ночь я не спала.

Не потому, что в съёмной комнате было неудобно. Кровать была нормальная, одеяло тёплое, соседи за стеной вели себя прилично. Даже петербургский дождь перестал стучать в окно и позволил городу немного отдохнуть.

Не спала я исключительно по собственной вине.

Стоило закрыть глаза, передо мной появлялся Алексей.

Сначала со спины — высокий, статный, стоящий в пяти метрах от метро. Потом он поворачивался. Улыбался. Брал у меня зонт. Спрашивал:

— Вы всегда выбираете разумные решения?

Каждый раз я отвечала по-разному.

В первой версии — как ответила на самом деле:

— Стараюсь.

Во второй говорила:

— Только до сегодняшнего дня.

В третьей смотрела ему прямо в глаза и произносила:

— Нет. Сегодня я выбрала вас.

На этой фразе я открывала глаза, смотрела в потолок и строго объясняла себе, что порядочные женщины так себя не ведут.

Тем более на первой встрече.

Тем более мысленно.

Тем более тридцать раз подряд.

Я переворачивалась на другой бок, поправляла подушку и начинала вспоминать всё сначала.

Вот Алексей обернулся.

Вот спросил моё имя.

Вот рассмеялся после слов о полном курсе лечения.

Вот подвинул ко мне сахарницу.

Вот посмотрел на меня и сказал:

— Сейчас мне интересно.

Что именно ему было интересно?

Я?

Мой рассказ?

Моя работа?

Или то, сколько времени женщина способна размешивать два кусочка сахара в одной чашке?

Надо было уточнить.

Теперь, лёжа в темноте, я находила десятки вопросов, которые следовало задать. Во время встречи ни один из них почему-то не пришёл мне в голову.

Женат ли он?

Есть ли у него дети?

Почему живёт в Петербурге один?

Чем занимается помимо того, о чём успел рассказать?

Каких женщин считает красивыми?

Понравилась ли ему я?

Последний вопрос был главным, но задавать его вслух я, конечно, не собиралась.

Женщина не должна спрашивать мужчину, понравилась ли она ему.

Это должно быть понятно по его действиям.

Так меня учили жизнь, подруги, фильмы и окружающее общество. Мужчина выбирает. Мужчина звонит. Мужчина приглашает. Мужчина приезжает с цветами, билетами или хотя бы с ясным намерением.

Женщина ждёт.

Я умела ждать.

Во всяком случае, до той ночи мне так казалось.

В два часа я встала попить воды.

В половине третьего проверила, на месте ли телефон.

В три убедилась, что трубка лежит правильно.

В четыре подумала: а вдруг Алексей уже звонил, но звонок был тихим и я не услышала?

Эта версия не выдерживала никакой критики. Телефон стоял в коридоре и звонил так, словно сообщал о воздушной тревоге всему Васильевскому острову.

Но я всё равно подошла и сняла трубку.

Гудок был.

Телефон работал.

— Отлично, — сказала я аппарату. — Продолжайте.

Телефон молчал.

У него вообще оказался очень независимый характер.

Утром я встала раньше будильника.

То есть технически я вообще не вставала, потому что почти не ложилась. Но в семь часов решила считать ночь законченной и приступила к новому дню.

Я приняла душ, уложила волосы и выбрала одежду особенно тщательно.

Зачем — непонятно.

Алексей не знал, где я учусь, во сколько заканчиваются занятия и по каким улицам хожу. Вероятность случайно встретить его была примерно такой же, как вероятность обнаружить Эйфелеву башню на площади перед Казанским кремлём.

Но женщина, встретившая своего будущего мужа, не может на следующее утро выйти из дома в чём попало.

Вдруг судьба продолжит работу.

На занятиях я сидела с прямой спиной и делала вид, что слушаю преподавателя.

Преподаватель говорил о чём-то важном. Судя по тому, как старательно остальные записывали, тема могла пригодиться на экзамене и в дальнейшей профессиональной жизни.

Я тоже записывала.

Когда позже посмотрела в тетрадь, обнаружила посреди конспекта слово «Алексей».

Один раз.

Потом ещё раз.

И третий — с особенно аккуратной буквой «А».

Я закрыла страницу.

— У тебя всё нормально? — тихо спросила сидевшая рядом однокурсница.

— Конечно.

— Ты улыбаешься.

— Разве это запрещено?

— На этой лекции — почти.

Я выпрямилась и постаралась придать лицу выражение человека, глубоко заинтересованного предметом.

Через пять минут снова поймала себя на улыбке.

После занятий остальные собирались зайти в кафе. В обычный день я пошла бы с ними, но сейчас мне требовалось срочно вернуться в квартиру.

Вдруг Алексей позвонит.

Конечно, он мог позвонить вечером.

Или после работы.

Или завтра.

Но если мужчина встретил женщину, сразу понял, что она его будущая жена, и решил немедленно сообщить ей об этом, нельзя заставлять человека долго ждать у телефона.

Я отказалась от кафе, сославшись на дела, и отправилась домой.

Шла быстро.

Потом ещё быстрее.

Последние метры почти бежала.

Поднялась по лестнице, открыла дверь и сразу посмотрела на хозяйку квартиры.

— Мне никто не звонил?

Она подняла глаза от газеты.

— Звонили.

Сердце остановилось.

— Мужчина?

— Мужчина.

— Что сказал?

— Спросил Валерия.

Сердце снова заработало, но уже без прежнего энтузиазма.

— И всё?

— Потом женщина звонила.

— Какая женщина?

— Искала химчистку.

Я сняла пальто.

— Значит, мне никто не звонил.

— А ты ждёшь?

— Нет.

Хозяйка посмотрела на меня поверх очков.

— Понятно.

По её лицу было видно, что понятно ей как раз всё.

Я прошла в комнату, положила сумку и достала учебники. Решила заниматься до самого вечера и вообще не думать об Алексее.

Получалось хорошо.

Первые четыре минуты.

Потом в коридоре зазвонил телефон.

Я выскочила из комнаты так быстро, что задела плечом дверной косяк.

— Алло!

— Добрый день, — произнёс незнакомый женский голос. — А Людмилу можно?

— Здесь нет Людмилы.

— Совсем?

— Совсем.

— А раньше была.

— Возможно, она вышла замуж и переехала.

Женщина помолчала.

— Вы не знаете куда?

— К сожалению.

Я положила трубку и вернулась к учебникам.

Через полчаса телефон зазвонил снова.

На этот раз я решила сохранить достоинство.

Не побежала.

Спокойно закрыла книгу. Встала. Поправила юбку. Медленно вышла в коридор.

На четвёртом звонке выдержка закончилась, и оставшееся расстояние я преодолела за секунду.

Звонила однокурсница.

— Ты записала, что он сказал в конце лекции?

— Записала.

Я открыла тетрадь.

В конце лекции было написано «Алексей».

— Не всё, — призналась я.

— А чем ты вообще сегодня занималась?

— Получала второе образование.

— По какой специальности?

— Пока уточняю.

Первый день прошёл без звонка.

Я объяснила себе, что это совершенно нормально.

Серьёзный мужчина не станет звонить сразу. Он должен обдумать встречу, оценить впечатления, разобраться в собственных чувствах.

Возможно, посоветоваться с матерью.

Хотя последнего я предпочла бы избежать.

Наталья Павловна могла спросить его напрямую:

«Ну как тебе Элина? Хорошая ведь девушка?»

После такого вопроса любой мужчина на несколько дней потеряет способность принимать самостоятельные решения.

Перед сном я ещё раз проверила телефон.

Он работал.

Алексей не звонил.

Но прошёл всего один день.

Один день — это вообще не срок.

Особенно для взрослого занятого человека.

Я легла и решила, что завтра всё обязательно прояснится.
На второй день телефон начал управлять моей жизнью.
Стоило выйти из комнаты — он молчал.
Стоило зайти в ванную, открыть воду и намылить голову — звонил.
В первый раз я успела только набросить полотенце и выбежать в коридор.
Вода стекала по лицу, волосы были покрыты пеной.
Хозяйка квартиры уже держала трубку.

— Тебя, — сказала она.

Я замерла.

— Кто?

— Институт.

Звонили из учебной части.

Разговор касался документов, сроков и подписи, которую я должна была поставить.
Обычно я относилась к таким вопросам серьёзно. В тот день мне хотелось сказать:

«Не занимайте линию. Возможно, сейчас звонит моя судьба».

Но дисциплина победила.

Я всё записала, повторила адрес, уточнила время и положила трубку.

Хозяйка посмотрела на меня.

— У тебя шампунь на ухе.

— Спасибо.

— Мужчина не звонит?

— Какой мужчина?

— Тот, которого нет.

— Почему вы решили, что я жду мужчину?

— Потому что химчистку так не ждут.

Возразить было нечего.

Я вернулась в ванную.

Через десять минут телефон зазвонил снова.

На этот раз бежать я не стала.

Досчитала до трёх.

На четвёртом звонке всё-таки побежала.

— Алло?

В трубке молчали.

— Алло?

Послышалось дыхание.

Сердце ударилось о рёбра.

— Алексей?

— Кто? — спросил старческий мужской голос.

— Вы кому звоните?

— В ремонт обуви.

— Это квартира.

— А сапоги чините?

— Нет.

— Жаль.

Он повесил трубку.

Я ещё несколько секунд стояла в коридоре.

Сапоги чинить не хотелось.

Хотелось найти Алексея и спросить, почему он не звонит.

Но для этого требовалось знать его номер.

Номера у меня не было.
Можно было позвонить Наталье Павловне.
Сказать, что Алексей забыл пакет.
Но пакет был у него.
Сказать, что в пакете оказалось что-то важное.
Но я не знала, что там лежало.
Можно было спросить, понравились ли ему гостинцы.
Это звучало настолько жалко, что даже телефон, кажется, посмотрел на меня с осуждением.

Нет.

Я звонить не буду.

Если мужчина заинтересован, он найдёт возможность.

Таков порядок.

Вечером второго дня я попыталась читать.

Прочитала одну страницу пять раз и не поняла ни слова.

Потом взяла лист бумаги и разделила его пополам.

Слева написала:

«Почему он должен позвонить».

Справа:

«Почему он может не позвонить».

В левую колонку внесла:

«Ему было интересно».

«Он проводил меня».

«Мы много смеялись».

«Он знает номер».

В правой появились:

«Он просто вежливый».

«Проводил по просьбе матери».

«Смеялся из воспитанности».

«Номер знает, но не использует».

Правая колонка выглядела убедительнее.

Я перевернула лист и решила составить объективную характеристику самой себя.

Возраст подходящий.

Образование имеется, даже два.

Работа серьёзная.

Семья приличная.

Внешность хорошая.

Характер...

На характере возникла пауза.

С характером всё тоже было хорошо. Просто не каждому мужчине требовалась женщина, которая могла уволиться ради поездки в Париж, купить чулки по указанию гадалки и мысленно назначить незнакомца мужем ещё до рукопожатия.

Но Алексей об этом ничего не знал.

Следовательно, характер пока не мог быть причиной молчания.

Я перечитала список и рассердилась.

Не на него.

На себя.

Почему один человек должен позвонить только потому, что я почувствовала молнию?

Алексей мог увидеть во мне приятную знакомую своей матери. Мог хорошо провести вечер, вежливо попрощаться и вернуться к собственной жизни.

Он ничего мне не обещал.

Даже слова «увидимся» прозвучали не как договор, а как возможность.

Все обещания я придумала сама.

На третий день я проснулась с решением больше не ждать.

Решение было твёрдым.

Я встала, заправила постель, оделась и спокойно позавтракала.

На телефон не посмотрела ни разу.

Только дважды прошла мимо.

И один раз сняла трубку, чтобы убедиться, что он не отключён.

Но это была техническая проверка, не ожидание.

В институте я наконец услышала преподавателя. Записала всю лекцию, не упомянув Алексея ни в одном абзаце. После занятий пошла с однокурсниками в кафе и даже поддерживала разговор.

— Что будем делать после выпуска? — спросила одна из девушек.

Все начали обсуждать планы.

Кто-то возвращался домой. Кто-то собирался искать новую работу. Кто-то мечтал отдохнуть хотя бы месяц и не видеть ни одной тетради.

— А ты? — спросили меня.

— Я вернусь в Казань.

— И всё?

— Буду работать.

— А личная жизнь?

Раньше этот вопрос заставил бы меня шутить или защищаться. В тот день я ответила спокойно:

— Личная жизнь пока не согласовала график.

Все рассмеялись.

Я тоже.

И вдруг подумала: а ведь ничего страшного не произошло.

Я встретила замечательного человека.

Он мне понравился.

Очень понравился.

Возможно, впервые в жизни понравился по-настоящему — не потому, что правильно ухаживал, красиво писал или предложил готовый маршрут, а просто потому, что оказался собой.

Разве этого мало?

Пусть Алексей останется в моём сердце.

Пусть я буду знать, что где-то в Петербурге живёт мужчина, рядом с которым моя душа за несколько часов успела почувствовать себя дома.

Я произнесла это про себя и почти поверила.

Почти — потому что, вернувшись в квартиру, первым делом спросила:

— Мне никто не звонил?

Хозяйка покачала головой.

— Никто.

Вот тогда я окончательно решила:

не понравилась.

Оказалась не в его вкусе.

Слишком маленькая. Слишком разговорчивая. Слишком серьёзная. Слишком самостоятельная. Или, наоборот, недостаточно самостоятельная, потому что согласилась на встречу по просьбе его матери.

Причин можно было придумать сколько угодно.

Результат оставался один.

Три дня.

Три дня мужчина молчал.

Если бы хотел — позвонил бы.

Так я тогда думала.

Я не знала, что люди могут чувствовать одно и то же, но действовать с разной скоростью. Что один человек принимает решение мгновенно, а другому требуется время, чтобы признаться в нём хотя бы самому себе.

Я не знала, что за внешним спокойствием Алексея может скрываться что угодно.

И не имела права это придумывать.

Его мысли принадлежали ему.

Мне принадлежало только молчание телефона.

Вечером я начала готовиться к приезду Дэниела.

Он собирался прилететь в Петербург к окончанию моей учёбы. Об этом мы договорились заранее, ещё до встречи на Васильевском острове.

Дэниел никогда не заставлял гадать, нравлюсь я ему или нет.

Он присылал цветы.

Покупал билеты.

Пересекал океан.

Приезжал в Казань.

Знакомился с моей семьёй.

Теперь летел в Петербург.

Он действовал.

Алексей молчал.

Передо мной словно открылись две дороги.

На одной стоял мужчина, которого выбрало моё сердце.

На другой — мужчина, который выбрал меня.

В коридоре зазвонил телефон.

Я не побежала.
Подождала один звонок.
Второй.
Третий.
Потом спокойно подошла и сняла трубку.
— Алло?
— Элина?
Я замерла.
Голос был мужской.
Но не тот.

Дэниел говорил медленно, отчётливо произнося каждое слово, чтобы мне было легче понять английскую речь.

Он сообщил, что купил билет.
Сказал дату прилёта.
Назвал время.
Спросил, смогу ли я его встретить.
Всё было ясно, продумано и решено.
— Да, — ответила я. — Конечно, встречу.

Дэниел обрадовался. Начал рассказывать о перелёте, багаже и планах. Я слушала, записывала сведения на лежавшем рядом листке и чувствовала благодарность.

Только сердце почему-то продолжало ждать другого голоса.
Когда разговор закончился, я положила трубку и посмотрела на свои записи.
Номер рейса.
Время прилёта.
Аэропорт.
Имя: Дэниел.
Всё было определено.
Кроме моей жизни.

ГЛАВА 39

Дэниел прилетает на выпускной

К приезду Дэниела Фрейзера Петербург готов не был.

Я — тем более.

Город хотя бы мог сослаться на климат, ремонт дорог и свою сложную историческую судьбу. Мне сослаться было не на что. Я сама пригласила Дэниела на выпускной, сама пообещала встретить, разместить и показать Петербург.

Когда мы договаривались, никакого Алексея в моей жизни ещё не было.

Вернее, он существовал. Жил где-то в этом городе, ходил по этим улицам, разговаривал своей прекрасной богатой речью и, возможно, пил кофе в том самом кафе возле метро.

Но я об этом не знала.

Теперь знала.

И это существенно осложняло организацию культурной программы для другого мужчины.

Первой задачей было найти Дэниелу жильё.

Сегодня для этого достаточно открыть телефон, выбрать квартиру, посмотреть фотографии и нажать кнопку. Тогда я вооружилась блокнотом и начала обзванивать знакомых.

Знакомых — через других знакомых.

Других знакомых — через людей, с которыми кто-то когда-то учился, работал, служил или стоял в очереди.

К вечеру в поисках жилья для одного канадца участвовала половина нашей университетской компании.

— На сколько дней он приезжает? — спросила Ирина Мельникова.

Мы сидели в небольшом кафе неподалёку от института. Перед Ириной лежал блокнот, перед Ксенией Новиковой — газета с объявлениями, а передо мной — список требований, который с каждой минутой становился скромнее.

— Примерно на неделю.

— Один?

— Один.

Ксения подняла глаза от газеты.

— Это тот мужчина из Парижа?

— Да.

— Невысокий?

— Ксения.

— Что «Ксения»? Мне надо понимать, какую кровать искать.

— Обычную.

— А второй?

— Какой второй?

Ирина посмотрела на меня.

— Высокий. С Васильевского острова.

— При чём здесь он?

— Ни при чём. Поэтому ты третий день спрашиваешь, не звонил ли кто-нибудь высокий и статный.

— По телефону рост не определяется.

— У тебя определяется.

Ксения отложила газету.

— Давайте разберёмся. Один мужчина летит через океан на твой выпускной. Второй встретился с тобой под дождём, выпил чай и исчез.

— Он не исчез.

— А что сделал?

— Пока ничего.

— Это и называется исчез.

Я взяла газету и снова уткнулась в объявления.

— Мы ищем квартиру.

— Мы ищем смысл, — сказала Ирина.

— Квартиру найти проще, — добавила Ксения.

В объявлении было написано: «Уютная комната в историческом центре для приличного человека».

— Дэниел приличный, — сказала я.

— Насколько? — спросила Ксения.

— Очень.

— Тогда не подойдёт. В историческом центре степень приличия определяет хозяйка квартиры.

Мы позвонили.

Хозяйка поинтересовалась возрастом гостя, семейным положением, целью приезда, наличием вредных привычек и отношением к кошкам.

Кошек у Дэниела не было.

Отношение к ним я не уточняла.

— Он иностранец, — осторожно сообщила я.

На другом конце провода наступила пауза.

— Немец?

— Канадец.

— А по-русски говорит?

— Нет.

— Тогда как я ему объясню, чтобы после десяти не шумел?

— Он не будет шуметь.

— Все так говорят.

Комната не подошла.

Во второй квартире соглашались принять иностранца, но только если он предоставит копию паспорта, справку о состоянии здоровья и письменную рекомендацию от уважаемого человека.

— Можем попросить Геннадия Павловича, — предложила Ирина.

Я представила, как звоню своему бывшему руководителю и прошу выдать характеристику канадцу, с которым познакомилась через брачное агентство.

— Лучше продолжим поиски.

Третья квартира оказалась свободной.

Она принадлежала дальней родственнице знакомой одной из наших однокурсниц. Родственница временно уехала, но разрешила поселить гостя при условии, что он не будет переставлять мебель и пользоваться декоративными полотенцами.

— Как отличить декоративные полотенца от обычных? — спросила я.

— Декоративные красивые.

— Все полотенца красивые.

— Тогда пусть привезёт своё.

Так жильё было найдено.

Оставалось встретить Дэниела, объяснить правила проживания, показать город, проводить меня на выпускной и не дать ни одному человеку заметить, что часть моей души всё это время сидит возле телефона.

Задача сложная.

Но мы люди исполнительные.

В день прилёта я приехала в аэропорт заранее.

Слишком заранее.

До посадки самолёта оставался почти час, а я уже стояла у выхода, проверяла табло и мысленно повторяла план.

Встретить.

Помочь с багажом.

Довезти до квартиры.

Показать, где лежат обычные полотенца и где — декоративные.

Накормить.

Дать отдохнуть.

Всё было понятно.

Только внутри меня не было прежнего радостного ожидания.

Когда я летела в Париж, Дэниел был неизвестностью. За стеклом аэропорта мог оказаться кто угодно — и оказался человек, к внешности которого мне пришлось привыкать. Потом я увидела его манеры, доброту, деликатность и способность заботиться. Он стал мне близким.

Теперь я знала, кого встречаю.

И всё равно волновалась.

Но это было другое волнение.

Не то, от которого не спишь всю ночь и записываешь мужское имя в конспекте.

Скорее тревога ответственного человека, который должен хорошо принять дорогого гостя.

Я посмотрела на себя в отражении стекла.

Оделась красиво.

Не для Дэниела.

То есть для него тоже.

Но главным образом потому, что после встречи с Алексеем мне хотелось всё время выглядеть так, словно мы можем случайно столкнуться в любом месте.

Даже в аэропорту.

Даже возле ленты выдачи багажа.

Даже если он понятия не имел, что я здесь нахожусь.

Пассажиры начали выходить.

Сначала появились люди с небольшими сумками. Потом семьи с детьми. Потом деловые мужчины, уверенно смотревшие вперёд. Я вглядывалась в толпу.

И увидела Дэниела.

Он шёл неторопливо, в хорошем костюме и светлой рубашке. За ним ехала тележка с чемоданами. На одном из чемоданов лежал большой букет.

Увидев меня, он улыбнулся.

Его лицо сразу стало тёплым и знакомым.

Я тоже улыбнулась.

И поняла, что действительно рада.

Дэниел подошёл, поставил букет на тележку и обнял меня.

Осторожно.

Так, словно спрашивал разрешения даже тогда, когда уже обнимал.

— Элина, — произнёс он. — Вы прекрасны.

По-русски он по-прежнему говорил только несколько слов, но слово «прекрасна» выучил основательно.

— Спасибо. Добро пожаловать в Петербург.

— Санкт-Петербург, — старательно повторил Дэниел.

— Да.

Он оглянулся.

— Очень красивый аэропорт.

— Вы ещё город не видели.

— Я приехал не только ради города.

Он протянул мне букет.

Цветы были чудесные. Светлые, нежные, собранные со вкусом. Не гвоздики, с которых началась наша история, а дорогая композиция, способная украсить любой выпускной вечер.

Я поблагодарила его.

И сразу почувствовала вину.

Дэниел пересёк океан.

Привёз цветы.

Смотрел на меня так, словно весь перелёт был небольшим неудобством по дороге к нужному человеку.

А я вспоминала мужчину, который три дня не мог пересечь расстояние до телефона.

— Вы устали? — спросила я.

— Немного.

— Сначала поедem в квартиру. Она недалеко от центра.

— Вы всё организовали?

— Конечно.

— Я знал.

— Что именно?

— Что вы всё организуете.

Он сказал это с искренней благодарностью.

А я неожиданно услышала в его словах правду о себе.

Да.

Я всё организую.

Найду квартиру.

Встречу.

Накормлю.

Покажу город.
Решу любую проблему.
Мне даже не нужно говорить, что делать. Достаточно обозначить задачу.
Только собственное сердце организовать не получалось.

По дороге Дэниел смотрел в окно и задавал вопросы.
Почему здесь столько воды?
Сколько островов в Петербурге?
Правда ли, что летом не темнеет?
Почему люди ходят так быстро?
На последние два вопроса я могла ответить уверенно.
Не темнеет — потому что белые ночи.
Ходят быстро — потому что холодно.
Даже летом.
Дэниел записывал названия улиц в маленький блокнот. Он всегда так делал в путешествиях. Относился к каждому городу внимательно, словно собирался сдавать по нему экзамен.
Квартира ему понравилась.
Он осмотрел комнату, кухню и ванную. Я показала, как пользоваться плитой, где лежат продукты и какие полотенца нельзя трогать.
— Почему? — спросил он.
Я попыталась объяснить по-английски понятие декоративного полотенца.
Дэниел выслушал.
— Оно висит в ванной, но им нельзя пользоваться?
— Да.
— Зачем?
— Для красоты.
Он снова посмотрел на полотенце.
— Россия — очень сложная страна.
— Вы ещё не видели коммунальные квартиры.
— Я готов.
— К этому нельзя быть готовым.

Пока он разбирал вещи, я приготовила чай и бутерброды.

Дэниел привёз подарки.

Для моих родителей.

Для сестры.

Для бабушки и дедушки.

Для меня он выбрал небольшую коробочку с украшением. Не стал вручать её торжественно, просто положил рядом с чашкой и сказал, что увидел эту вещь и сразу подумал обо мне.

Украшение было красивым.

Я снова поблагодарила его.

Он сел напротив и смотрел, как я открываю коробочку.

В его глазах была радость человека, который угадал.

Дэниел вообще умел угадывать подарки.

Не умел только угадать, что за несколько дней до его приезда моя жизнь изменилась возле станции метро.

Но откуда ему было знать?

Я не сказала.

И не могла сказать.

Между мной и Алексеем ничего не произошло.

Одна встреча.

Одна чашка чая.

Три дня молчания.

О чём здесь рассказывать?

«Дорогой Дэниел, пока вы пересекали океан, я увидела мужчину со спины и решила, что он мой муж».

После таких признаний человека обычно не приглашают на выпускной. Ему вызывают врача.

Поэтому я молчала.

На следующий день мы отправились смотреть Петербург.

Я показала Дэниелу Невский проспект, Дворцовую площадь, набережные и мосты. Он фотографировал здания, воду, памятники, вывески и меня на фоне всего перечисленного.

Возле каждого красивого места он просил:

— Элина, фотография.

Я вставала, улыбалась и ждала, пока он настроит камеру.

Рядом проходили мужчины.

Высокие.

В пальто.

Иногда в форме.

Каждый раз я невольно оборачивалась.

— Всё хорошо? — спрашивал Дэниел.

— Да.

— Вы кого-то ищете?

— Нет.

Это была правда.

Я не искала.

Я ждала.

Между этими действиями существует огромная разница. Ищущий человек двигается сам. Ждущий стоит и надеется, что нужная дорога каким-то образом пройдёт прямо через него.

Тогда я ещё предпочитала ждать.

Мы зашли в кафе.

Дэниел заказал обед и долго советовался с официантом, хотя почти не говорил по-русски, а официант почти не говорил по-английски. Они показывали друг другу пункты меню, использовали жесты и в конце пришли к соглашению, которым оба выглядели довольными.

— Что вы заказали? — спросила я.

— Не знаю.

— А если принесут рыбу?

— Я съем.

— А если холодец?

Он насторожился.

— Что это?

— Пока лучше не знать.

Принесли борщ.

Дэниел попробовал и одобрительно кивнул.

— Очень хорошо.

— Вам повезло.

— Почему?

— Это не холодец.

Он записал слово «борщ» в блокнот.

Я наблюдала за ним и улыбалась.

С Дэниелом было легко. Он не требовал, чтобы его развлекали. Не жаловался на погоду, непривычную еду и бытовые сложности. В любой ситуации оставался вежливым и благодарным.

Иногда мне хотелось, чтобы он совершил что-нибудь неприятное.

Капризничал.

Грубил официантам.

Возмутился декоративными полотенцами.

Тогда всё стало бы проще.

Можно было бы сказать себе: вот почему я его не люблю.

Но Дэниел был хорошим человеком.

И от этого становилось только труднее.

В день выпускного он пришёл заранее.

На нём был тёмный костюм и новый галстук. В руках — ещё один букет.

— У вас скоро закончится цветочный запас Петербурга, — сказала я.

— Для вас останется.

Я представила, как через несколько лет городские власти расследуют исчезновение всех цветов и выходят на след одного канадца.

На торжественной части Дэниел сидел рядом с моими однокурсниками.

Ирина Мельникова оглядела его, потом посмотрела на меня.

В её взгляде читалось:

«Мужчина через океан прилетел. А ты всё думаешь о том, который не позвонил».

Я сделала вид, что не заметила.

Получая документ об окончании обучения, я видела Дэниела в зале. Он аплодировал, улыбался и фотографировал.

И мне было приятно.

По-настоящему.

Я столько лет совмещала работу и учёбу, приезжала в Петербург, сдавала экзамены, писала работы и почти никогда не позволяла себе признать, что устала. Теперь всё закончилось.

В руках был ещё один диплом.

Рядом стояли друзья.

В зале находился мужчина, который прилетел ради меня с другого конца света.

Жизнь выглядела красивой и правильной.

Только среди аплодисментов я почему-то вспоминала голос Алексея.

— Сейчас мне интересно.

Может быть, мне показалось?

Может быть, он говорил просто о разговоре?

Может быть, давно забыл нашу встречу?

После церемонии мы фотографировались на ступенях. Дэниел стоял рядом со мной, держал цветы и выглядел счастливым.

— Хорошая пара, — сказала одна из преподавательниц.

Я автоматически улыбнулась.

Дэниел не понял фразу и спросил:

— Что она сказала?

— Поздравила.

Я соврала совсем немного.

Поздравление там тоже подразумевалось.

Ирина подошла позже, когда Дэниел отошёл фотографировать здание.

— Хороший он, — сказала она.

— Очень.

— Заботливый.

— Да.

— Любит тебя.

Я посмотрела на неё.

— Наверное.

— А ты?

— Что я?

— Любишь его?

Я перевела взгляд на Дэниела. Он стоял у лестницы, сосредоточенно настраивал фотоаппарат и совершенно не подозревал, что в нескольких метрах от него проходит обсуждение его личной жизни.

— Мне с ним спокойно, — ответила я.

Ирина вздохнула.

— Я спросила не об этом.

— Другого ответа у меня нет.

— А тот?

— Какой тот?

— Не начинай.

Я поправила ленту на букете.

— Он не позвонил.

— Совсем?

— Совсем.

— Может быть, ещё позвонит.

— Если бы хотел, позвонил бы.

Ирина посмотрела на меня внимательно.

— А ты сама?

— Что — сама?

— Можешь ему позвонить.

Я даже рассмеялась.

- С какой стати?
- С той стати, что он тебе нравится.
- И что я скажу?
- «Здравствуйте, Алексей. Как поживает пакет вашей мамы?»
- Именно поэтому я и не позвоню.
- Можно не спрашивать о пакете.
- Нет. Мужчина должен проявить инициативу.
- Кому должен?
- Всем.
- А если он не знает?
- Значит, не судьба.

Ирина хотела что-то ответить, но к нам вернулся Дэниел.

— Фотография, — сказал он.

Мы встали рядом.

Дэниел осторожно обнял меня за плечи.

Ирина подняла фотоаппарат.

— Улыбнитесь.

Мы улыбнулись.

Где-то в городе жил мужчина, которого я увидела один раз и уже не могла забыть.

Рядом стоял человек, который делал всё, чтобы я была счастлива.

А между ними находилась я — женщина с двумя образованиями, служебным опытом и полным отсутствием инструкции на этот случай.

Вечером мы вернулись в квартиру, где остановился Дэниел.

Он хотел немного отдохнуть, а потом снова выйти в город. Петербург нравился ему всё больше. Он раскрыл путеводитель и начал выбирать, куда мы отправимся после ужина.

- Невский? — спросил он.
- Можно Невский.
- Потом река.
- Хорошо.
- И мосты.

— Если дождётся.

Дэниел устроился в кресле с книгой, а я пошла на кухню поставить чайник.

Квартира была тихой.

За окном шумела улица. Из соседнего двора доносились голоса. На столе лежали мои цветы, диплом и небольшой подарок от Дэниела.

Всё вокруг подтверждало: сегодняшний день удался.

Телефон стоял в коридоре.

Не тот аппарат, возле которого я провела три дня, а другой — квартирный, с коротким проводом и тяжёлой трубкой.

Я посмотрела на него.

Алексей не знал этого номера.

Следовательно, здесь ждать звонка было бессмысленно.

От этой мысли стало немного легче.

Когда точно знаешь, что человек позвонить не может, телефон перестаёт быть центром мироздания и снова становится обычным предметом.

Я вернулась на кухню.

Чайник начал шуметь.

И в этот момент телефон зазвонил.

Дэниел поднял голову от книги.

— Telephone.

— Я слышу.

Звонок повторился.

Я подошла и сняла трубку.

— Алло?

— Здравствуйте, Элина Ринатовна.

Я узнала голос сразу.

Сердце не просто ударилось о рёбра.

Оно, кажется, собралось бежать по Невскому без меня.

— Алексей Сергеевич?

— Да. Надеюсь, я не слишком поздно звоню?

Я обернулась.

В комнате сидел Дэниел и спокойно читал книгу.

В трубке говорил человек, которого я ждала каждый день.

Между двумя мужчинами находился телефонный провод.

И моя жизнь.

ГЛАВА 40

Деловая встреча

— Алексей Сергеевич? — переспросила я.

Не потому, что не узнала.

Я узнала его после первого слова.

Просто мне требовалось выиграть несколько секунд, чтобы сердце вернулось на своё место, голос перестал дрожать, а лицо приобрело выражение женщины, которой регулярно звонят высокие статные мужчины с богатой речью.

— Да, — ответил Алексей. — Надеюсь, я не слишком поздно звоню?

— Нет. Совсем не поздно.

Дэниел сидел в кресле и читал книгу.

Вернее, несколько секунд назад он её читал. Теперь смотрел на меня поверх страницы.

Я повернулась к нему спиной.

— Я сначала позвонил по прежнему номеру, — продолжил Алексей. — Мне сказали, что сегодня вас можно найти здесь.

Хозяйка съёмной квартиры.

Перед уходом я оставила ей номер квартиры Дэниела на случай, если позвонят из института или кто-то из однокурсников.

Про Алексея я ничего не сказала.

Но хозяйка обладала жизненным опытом и, вероятно, по одному мужскому голосу поняла, что этот звонок важнее любых сообщений из учебной части.

— Да, — сказала я. — Сегодня я здесь.

«Здесь» было очень точным определением.

Я находилась в квартире, снятой для мужчины, который прилетел ради моего выпускного, и разговаривала с женщиной, которого ждала три дня.

Можно сказать, географически определилась.

Жизненно — нет.

— Как прошёл ваш выпускной? — спросил Алексей.

— Хорошо.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Значит, теперь у вас официально два образования?

— Да.

— Опасное преимущество.

— Почему?

— Человек с одним образованием может ошибиться случайно. С двумя — уже аргументированно.

Я рассмеялась.

Дэниел снова посмотрел на меня.

На этот раз внимательнее.

— А вы сегодня свободны? — спросил Алексей.

Вопрос был простой.

Ответ тоже.

— Да.

Я произнесла это слишком быстро.

Настолько быстро, что даже сама удивилась.

Дэниел находился в нескольких шагах от меня.

На столе лежала составленная нами программа вечерней прогулки.

Но внутренний голос уже ответил за всё мироздание:

«Свободна».

Алексей сделал короткую паузу.

— Тогда, может быть, поужинаем?

— Конечно.

Ещё быстрее.

Если бы он предложил прямо сейчас лететь на Северный полюс, я, вероятно, сначала согласилась бы, а потом начала уточнять, где взять тёплую одежду.

— Через три часа вам удобно?

— Да.

— На Невском есть итальянский ресторан. Знаете...

Он назвал место.

Я знала этот участок города. Ресторан находился на другом конце проспекта от квартиры Дэниела.

Конечно.

Если судьба решила проверить серьёзность намерений, она не могла назначить встречу в соседнем доме.

— Найду, — сказала я.

— Тогда до встречи, Элина Ринатовна.

— До встречи, Алексей Сергеевич.

Я положила трубку.

Несколько секунд стояла к телефону спиной.

Потом медленно повернулась.

Дэниел сидел в кресле и ждал объяснений.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Да.

— Кто звонил?

И вот здесь передо мной открылись две дороги.

По первой шла честная женщина.

Она садилась напротив Дэниела и говорила:

«Мне позвонил мужчина, с которым я встретилась перед вашим приездом. Когда я увидела его, то сразу решила, что он мой будущий муж. Сейчас он пригласил меня в ресторан, и я собираюсь пойти».

По второй дороге шла я.

— Это по учёбе, — сказала я.

Формально Алексей действительно был связан с моей учёбой. Если бы я не приехала в Петербург получать второе образование, мы бы не встретились.

Связь слабая.

Но юридически заметная.

— По учёбе? — уточнил Дэниел.

— Да. Нужно ненадолго встретиться.

— Сегодня?

— Очень важный вопрос.

Вот это уже было чистой правдой.

Вопрос был настолько важным, что от его решения зависела вся моя дальнейшая жизнь.

Просто Дэниел представлял себе другой характер важности.

— Деловая встреча, — добавила я.

Словосочетание прозвучало убедительно.

Даже мне понравилось.

Деловая встреча — это не свидание. На деловых встречах обсуждают документы, планы, сроки и сотрудничество. Там никто не смотрит друг другу в глаза дольше положенного и не думает о совместной старости.

То, что мы с Алексеем собирались ужинать в итальянском ресторане, было небольшим организационным дополнением.

— Хорошо, — сказал Дэниел. — Я подожду.

Именно этого я и боялась.

Он не стал задавать вопросов.

Не возмутился.

Не напомнил, что прилетел через океан и сегодня мой выпускной.

Просто доверился.

От этого моя деловая встреча сразу стала выглядеть менее деловой.

— Мы можем сначала выйти вместе, — предложила я. — На Невском есть хорошее кафе. Вы посидите там, почитаете, выпьете кофе. Я быстро вернусь.

Слово «быстро» появилось само.

На каком основании — неизвестно.

Я три дня ждала разговора с Алексеем. Если бы встреча продолжалась до утра, я, вероятно, объявила бы её затянувшимися переговорами.

Дэниел закрыл книгу.

— Конечно.

— Вам не будет скучно?

— У меня есть книга.

— Я попрошу принести вам чай. Или кофе. Или ужин. Если захотите выйти, вот адрес квартиры. Деньги у вас есть. Вот мой номер. Хотя номер здесь. То есть звонить сюда вам не надо, потому что вы будете не здесь. Но если что-то случится...

Дэниел улыбнулся.

— Элина.

— Да?

— Я взрослый человек.

— Конечно.

— Я могу один сидеть в кафе.

— Я знаю.

Не знала.

Вернее, умом понимала. Но ответственность уже включилась. Если мне поручили иностранца, я должна была вернуть его в целости, сытости и хорошем настроении.

Даже если временно оставляла ради другого мужчины.

— Я недолго, — повторила я.

Дэниел снова открыл книгу.

— Хорошо.

Я пошла в ванную и закрыла дверь.

Посмотрела на себя в зеркало.

— Деловая встреча, — сообщила я отражению.

Отражение мне не поверило.

До встречи оставалось чуть меньше трёх часов.
Казалось бы, времени достаточно.
Можно спокойно привести себя в порядок, выбрать одежду и доехать до ресторана.
Но после звонка Алексея время стало вести себя странно.
Первые двадцать минут исчезли, пока я стояла перед шкафом.
На выпускной я надела красивое платье. Оно всё ещё выглядело достойно, но в нём я весь день фотографировалась рядом с Дэниелом.
Идти в нём к Алексею казалось неправильным.
Будто вместе с платьем я принесу на встречу чужое присутствие.
Я достала другой комплект.
Примерила.
Слишком официально.
В нём можно было обсуждать международное сотрудничество, но нельзя выглядеть женщиной, которую мужчина пригласил на ужин.
Следующее платье показалось слишком нарядным.
Ещё одно — недостаточно нарядным.
Блузка подчёркивала серьёзность намерений.
Юбка подчёркивала не намерения.
Я снова надела первое платье.
Потом сняла.
Дэниел постучал в дверь.
— Всё хорошо?
— Да.
— Вам нужна помощь?
— Нет!
Я ответила так резко, словно он собирался войти и лично выбрать наряд для моего свидания с другим мужчиной.
— Простите, — добавила я. — Я почти готова.
Это была неправда.
До выхода оставалось меньше часа.

Я остановилась на светлой блузке и тёмной юбке. Красиво, но не вызывающе. Женственно, но не слишком. Подходит для ресторана и при необходимости может быть объявлено деловым стилем.

С волосами оказалось сложнее.

Я собрала их.

Распустила.

Снова собрала.

На третий раз оставила как есть.

Если Алексей захочет построить со мной жизнь, ему всё равно когда-нибудь придётся увидеть, что мои волосы способны жить отдельно от государственных требований.

Дэниел ждал у двери.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Вы очень красивая.

От этого стало совсем неловко.

— Спасибо.

— Важная встреча?

— Очень.

Он кивнул.

Ни ревности.

Ни подозрений.

Ни вопросов.

Я взяла сумочку.

— Пойдёмте.

На улице было прохладно. После дождя воздух стал чистым, а город — особенно ясным. Фасады вдоль проспекта светились в вечернем солнце, машины шли плотным потоком, люди спешили по своим делам.

Мы с Дэниелом тоже шли рядом.

Он держал книгу под мышкой и время от времени сверялся с путеводителем.

— После встречи мосты? — спросил он.

— Да.

— И река?

— Обязательно.

— Хорошо.

Я посмотрела на часы.

До ужина оставалось сорок минут.

Нужно было посадить Дэниела в кафе, сделать заказ, объяснить официанту, что гость говорит по-английски, показать туалет, уточнить время закрытия и добраться до ресторана на другом конце Невского.

Сорока минут хватало.

Если не учитывать Петербург, вечерний поток людей, каблуки и мою способность находить дополнительные обязанности.

Мы зашли в кафе.

Я выбрала столик у окна.

— Вам удобно?

— Да.

— Не дуёт?

— Нет.

— Света для чтения хватает?

— Элина.

— Что?

— Всё хорошо.

Подошёл официант.

Я заказала Дэниелу кофе, воду и ужин. Потом объяснила, что он говорит по-английски.

— А я по-французски учил, — сообщил официант.

— Он из Канады.

— Там тоже по-французски говорят.

Дэниел наблюдал за нами.

— Что он сказал? — спросил по-английски.

— Что рад вас видеть.

Официант удивился, но спорить не стал.

— Если он попросит счёт, принесите, пожалуйста, — сказала я. — Если захочет что-то ещё, покажите меню. И объясните, где...

— Девушка, — перебил официант. — Он ведь не ребёнок.

— Я знаю.

В тот вечер мне все об этом напоминали.

Дэниел сел, положил книгу на стол и посмотрел на меня.

— Идите. Вы опоздаете.

— Я вернусь.

— Я знаю.

— Если что-нибудь понадобится...

Он поднял книгу.

— У меня всё есть.

Я кивнула, сделала несколько шагов к выходу, вернулась и положила перед ним записку с адресом квартиры.

— На всякий случай.

— Спасибо.

Снова пошла к двери.

— Элина.

Я обернулась.

— Удачной встречи.

Он сказал это совершенно искренне.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

И вышла.

На улице я снова посмотрела на часы.
Двадцать восемь минут.
Расстояние, которое в нормальном состоянии можно было пройти минут за сорок.
Я могла поймать машину.
Но поток стоял.
Общественный транспорт двигался не быстрее пешеходов.
Оставалось бежать.
И я побежала.
В туфлях.
По Невскому.
С сумочкой в одной руке и остатками достоинства в другой.
Вокруг шли люди. Кто-то спокойно рассматривал витрины. Кто-то разговаривал. Кто-то гулял без определённой цели.
Я не понимала, как можно идти медленно, когда в итальянском ресторане тебя ждёт мужчина, которого ты признала своим мужем ещё до знакомства.
На первом перекрёстке загорелся красный.
Я остановилась.
Профессиональная подготовка оказалась сильнее любви.
Рядом люди начали перебегать дорогу между машинами.
Я смотрела на них с возмущением сотрудника ГИБДД и нетерпением опаздывающей женщины.
— Куда торопитесь? — буркнула я вслед одному особенно смелому нарушителю.
Он не услышал.
Красный свет горел бесконечно.
Я посмотрела налево.
Машин почти не было.
Можно было перейти.
Никто бы не узнал.
Но где-то глубоко внутри Геннадий Павлович уже составлял на меня служебную записку.
Я осталась на месте.
Наконец зажёгся зелёный.

Я рванула вперёд.

На следующем участке Невского каблук застрял между плитами. Я дёрнула ногу, потеряла равновесие и едва не схватилась за проходившего мужчину.

Он успел отойти.

— Простите!

— Ничего, — сказал он. — Вы за кем-то гонитесь?

— Нет. На деловую встречу.

Мужчина оглядел меня.

— Очень деловую.

Я побежала дальше.

Через несколько минут стало жарко.

Петербургский ветер, который утром казался холодным, теперь работал против меня. Волосы снова выбились из причёски. Щёки горели. Дыхание сбилось.

В таком виде на свидания не приходят.

В таком виде задерживают преступников.

Я замедлила шаг, достала маленькое зеркало и посмотрела на себя.

Лучше бы не смотрела.

Женщина в зеркале выглядела так, будто только что выиграла сложный забег, но не знала, где находится финиш.

Я поправила волосы, промокнула лицо салфеткой и снова пошла.

Бежать больше было нельзя.

До ресторана оставалось несколько кварталов.

Я старалась двигаться быстро, но достойно.

Получалось либо быстро, либо достойно.

Одновременно эти качества существовать отказывались.

В голове спорили два голоса.

Первый говорил:

«Ты поступаешь неправильно. Дэниел прилетел ради тебя, а ты оставила его одного».

Второй отвечал:

«Я оставила его в хорошем кафе с книгой, ужином и адресом квартиры. Многие мужчины мечтают, чтобы о них так заботились».

Первый не сдавался:

«Ты соврала про деловую встречу».

Второй возражал:

«Вопрос действительно деловой. Я выясняю перспективы долгосрочного союза».

Первый спрашивал:

«А если Алексей просто хочет поужинать?»

На это второй голос не нашёл ответа.

Я остановилась перед витриной.

До встречи оставалось семь минут.

Ресторан был уже виден.

Небольшая вывеска.

Тёплый свет в окнах.

Дверь, за которой находился Алексей.

И тут я впервые испугалась.

Не опоздать.

Не выглядеть растрёпанной.

Не того, что Дэниел ждёт меня в другом кафе.

А того, что я придумала слишком много.

Три дня молчания превратили один звонок в событие. Я бежала через половину Невского, потому что решила: Алексей наконец понял то же, что поняла я.

А вдруг нет?

Вдруг он пригласил меня как знакомую матери?

Вдруг собирался передать ответный пакет?

Вдруг ему просто стало неловко, что он не позвонил раньше?

Я медленно вдохнула.

Вспомнила нашу первую встречу.

Его взгляд.

Улыбку.

Фразу: «Сейчас мне интересно».

Нет.

Я должна была войти.

Не потому, что знала результат.

Потому что хотела узнать.

Я поправила блузку, убрала волосы за уши и подошла ко входу.

Швейцар открыл дверь.

Внутри негромко звучала музыка. Между столиками двигались официанты. Пахло кофе, травами и свежим хлебом.

Я сделала несколько шагов.

Алексей сидел у окна.

Увидев меня, он сразу поднялся.

И в эту минуту стало ясно:

никакой деловой встречи не будет.

ГЛАВА 41

Итальянский ресторан

Алексей поднялся мне навстречу.

Он был одет просто: тёмные брюки, светлая рубашка, пиджак. Ничего специально торжественного. Никакой попытки произвести впечатление.

И всё равно выглядел так, что я сразу забыла, сколько кварталов пробежала, сколько раз поправляла волосы и зачем вообще назвала эту встречу деловой.

— Добрый вечер, Элина Ринатовна.

— Добрый вечер, Алексей Сергеевич.

Он отодвинул для меня стул.

Я села, стараясь восстановить дыхание незаметно.

— Вы быстро нашли ресторан?

— Очень.

Это была правда.

Я нашла его быстро.

Добиралась долго.

— Не слишком торопились?

— Нет.

Ещё одна версия правды.

На последнем участке Невского я уже не бежала.

Алексей сел напротив.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и я вдруг почувствовала, что все приготовленные по дороге фразы исчезли.

Пока бежала, придумала прекрасное начало разговора.

Спокойное.

Независимое.

С лёгким намёком на то, что три дня молчания я даже не заметила.

Теперь в голове осталось только одно:

«Позвонил».

Он всё-таки позвонил.

Официант принёс меню.

На обложке было написано название ресторана, внутри располагались итальянские блюда с длинными красивыми названиями. По некоторым можно было догадаться, что тебе принесут. Другие звучали как фамилии оперных певцов.

Я открыла меню и сделала вид, что прекрасно ориентируюсь.

— Вы любите итальянскую кухню? — спросил Алексей.

— Люблю.

— Что именно?

Я посмотрела на страницу.

— Итальянскую кухню.

Он улыбнулся.

— Беспрониженный ответ.

— Я люблю пасту.

— Какую?

— Вкусную.

— У вас очень точные требования.

— Я работала в системе. Там учат формулировать главное.

Подождал официант.

Алексей сделал заказ легко, без долгих уточнений и попыток выяснить происхождение каждой оливки. Я выбрала блюдо с самым понятным названием.

Официант забрал меню и поставил на стол маленькую свечу.

Пламя дрогнуло.

Я посмотрела на свечу.

Потом на Алексея.

Деловые встречи при свечах, видимо, были особенностью петербургского предпринимательства.

— Поздравляю с окончанием учёбы, — сказал он.

— Спасибо.

— Сложно было совмещать с работой?

— Временами.

— И всё-таки закончили.

— Если я начинаю, мне трудно остановиться.

— Даже если выясняется, что выбран не тот маршрут?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Я посмотрела ему в глаза.

— Тогда сначала доезжаю до конечной остановки. Потом признаю ошибку.

— Почему не выйти раньше?

— Потому что билет уже куплен.

Алексей улыбнулся, но ничего не сказал.

— А вы? — спросила я. — Всегда выбираете правильный путь?

— Стараюсь сначала понять, куда иду.

— Получается?

— Не всегда. Иногда направление становится понятным только после того, как уже пришёл.

Наши взгляды встретились.

Мне показалось, что он говорит не только о дорогах.

Но спрашивать я не стала.

Не хотела спугнуть эту возможность.

Разговор начался с учёбы.

Потом незаметно перешёл к работе.

Алексей спрашивал о службе в ГИБДД без обычных шуток про жезл и штрафы. Его интересовало, почему я выбрала эту работу, как справлялась в мужском коллективе и трудно ли было оставаться единственной женщиной в отделе.

— Они вас берегли? — спросил он.

Я вспомнила поздние смены, служебные поручения, рассказы о любовницах и жён, которые приходили проверять мужей.

— По-своему.

— Это дипломатический ответ?

— Очень.

— Значит, не берегли.

— Они считали меня полноценным сотрудником.

— А не женщиной?

— Женщиной тоже. Особенно их жёны.

Алексей рассмеялся.

Я рассказала, как некоторые женщины приходили в отдел и внимательно изучали единственную сотрудницу женского пола.

— Наверное, непросто было работать под таким наблюдением.

— Я привыкла. На дороге водители смотрели ещё внимательнее.

— Почему?

— Пытались понять, можно ли договориться.

— Можно было?

— Конечно.

Он поднял брови.

— Человек обещал больше не нарушать, а я обещала оформить всё по закону.

— Суровый договор.

— Зато честный.

Принесли ужин.

Паста оказалась действительно вкусной. Алексей выбрал мясо и овощи. Мы попробовали блюда друг у друга, и это вышло настолько естественно, что я заметила случившееся только потом.

С Дэниелом первые дни в Париже каждое движение сопровождалось внутренним переводом.

Как сесть.

Что сказать.

Как держаться.

Как понять его английский.

Как показать, что я благодарна.

Рядом с Алексеем никакого перевода не требовалось.

Мы говорили на одном языке.

И дело было не только в русском.

Он понимал мои паузы. Замечал иронию. Слышал то, что я не договаривала. Мне не нужно было объяснять, почему некоторые семейные вещи важны, почему я ездила к бабушке и дедушке почти каждый день и почему просьба Натальи Павловны встретиться с её сыном была для меня обязательной.

— Мама вас очень хвалит, — сказал он.

— Надеюсь, не слишком.

— Достаточно, чтобы я насторожился.

— Почему?

— Когда мама говорит, что человек замечательный, у человека почти нет шансов оказаться обычным.

— И как результаты проверки?

Он посмотрел на меня.

— Пока хорошие.

Те же слова он произнёс возле метро.
Тогда я решила, что речь идёт о Петербурге.
Теперь поняла: возможно, не только о городе.
— Вы всем устраиваете проверки? — спросила я.
— Нет.
— Только знакомым вашей мамы?
— Только тем, кто заставляет меня позвонить по чужому адресу и искать дополнительный номер телефона.
Сердце снова изменило ритм.
— Вам пришлось искать?
— Пришлось.
— Значит, хозяйка квартиры провела целое расследование.
— Она задала мне несколько вопросов.
— Каких?
— Сначала спросила, кто звонит. Потом — зачем. Затем уточнила, не тот ли я мужчина, которого вы ждёте третий день.
Я закрыла глаза.
На секунду.
Совсем ненадолго.
Если бы под столом существовал люк, ведущий прямо на станцию метро, я бы им воспользовалась.
— И что вы ответили?
— Что не знаю.
— После этого она дала номер?
— Нет.
— А когда дала?
— Когда я сказал, что хотел бы пригласить вас на ужин.
Я мысленно пообещала хозяйке коробку конфет.
И одновременно собиралась найти новую квартиру в другом районе.
— Она неправильно поняла, — сказала я.
— Вы не ждали?
— Почему же? Ждала.
Слова вырвались раньше, чем я успела их остановить.
Алексей посмотрел на меня внимательнее.
Отступить было поздно.
— Просто не три дня подряд, — добавила я. — Иногда делала перерывы.
Он улыбнулся.
— Нужно было позвонить раньше.
— Нужно было.
Я произнесла это легко, но внутри всё замерло.
Алексей мог объяснить, почему молчал.
Мог сказать, что был занят.
Что сомневался.
Что не знал, понравился ли мне.
Но он не стал придумывать оправданий.
— Исправляюсь, — сказал он.
И почему-то этого оказалось достаточно.
Мы продолжили разговор.
О Петербурге.

О Казани.

О детстве.

О военной службе и гарнизонах.

Алексей хорошо знал мир дисциплины, приказов, переездов и людей, которые умеют собраться за несколько часов. Он слушал мои рассказы не как человек, которому показывают чужую экзотическую жизнь, а как тот, кто понимает её устройство.

— Вы часто переезжали? — спросила я.

— Достаточно, чтобы не считать один адрес единственно возможным.

— А Петербург считаете своим городом?

Он посмотрел в окно.

— Наверное. Здесь я научился не торопиться с ответами.

— Заметно.

— Это снова про звонок?

— Уже нет.

— А про что?

— Пока не решила.

Он рассмеялся.

Мне нравилось его смешить.

Не рассказывать подготовленные истории, не изображать весёлую женщину, а просто говорить то, что приходит в голову, и видеть ответную улыбку.

Рядом с ним моя душа действительно расцветала.

Я не могла объяснить это точнее.

Будто много лет внутри меня существовала комната, в которой всё было закрыто. Мебель стояла под чехлами, шторы не раздвигались, воздух не двигался.

Алексей вошёл — и открыл окно.

Сделал это спокойно.

Даже не заметив.

Я посмотрела на часы.

Прошло больше часа.

Дэниел сидел в кафе.

Один.

С книгой.

Ужин ему должны были уже принести. Возможно, он закончил есть. Возможно, заказал ещё кофе. Возможно, пытался объяснить официанту, куда я исчезла.

— Вы торопитесь? — спросил Алексей.

— Нет.

Я убрала руку от часов.

Через пять минут снова посмотрела.

— Всё-таки торопитесь.

— Меня ждут.

— Друзья?

Передо мной снова появилась развилка.

Можно было сказать «да».

Одно короткое слово решило бы всё.

Но за вечер я уже использовала достаточно приблизительных формулировок.

— Один мой знакомый, — ответила я. — Он приехал в Петербург на выпускной.

Алексей кивнул.

Не спросил, кто этот человек.

Не изменился в лице.

Не стал выяснять, насколько близкий знакомый и откуда приехал.
Его спокойствие было одновременно достоинством и серьёзной проблемой.
По нему невозможно было понять, ревнует он или нет.
— Тогда не будем заставлять его долго ждать, — сказал Алексей.
Мне хотелось возразить.
Сказать, что Дэниел способен подождать.
Что у него хорошая книга.
Что кафе закрывается нескоро.
Но это было бы несправедливо.
Я кивнула.
Алексей попросил счёт.
Официант принёс его вместе с маленьким блюдцем и двумя конфетами.
Одна лежала ближе ко мне.
Вторая — к Алексею.
Выглядело так, словно ресторан уже распределил всё наше совместное имущество.

Мы вышли из ресторана.
Невский сиял огнями. Вечер стал прохладнее, людей на тротуарах не убавилось. Город двигался вокруг нас, а мне хотелось остановить время хотя бы ещё на несколько минут.
— Вас проводить? — спросил Алексей.
Вопрос был приятным.
Но если он проводит меня до кафе, то увидит Дэниела.
Дэниел увидит его.
Потом мне придётся объяснять, почему деловой партнёр выглядит как мужчина, ради которого женщина готова пробежать половину Невского.
— Не нужно, — сказала я. — Здесь недалеко.
— Уверены?
— Да. Я хорошо ориентируюсь.
Это было правдой.
Сегодня я могла с закрытыми глазами найти и кафе Дэниела, и ресторан Алексея, и все перекрёстки между ними.

Мы остановились возле входа.

Появилась пауза.

Не неловкая.

Скорее важная.

Мне хотелось спросить:

«Мы ещё увидимся?»

Но я не спросила.

Инициатива должна исходить от мужчины.

Этот внутренний закон продолжал действовать, хотя за последний час дал несколько заметных трещин.

Алексей посмотрел на меня.

— Летом я буду в Казани.

— В отпуске?

— Да.

— Надолго?

Он назвал даты.

Я запомнила их сразу.

Лучше, чем номера рейсов, расписание занятий и некоторые положения, которые учила перед экзаменами.

— Обязательно вам позвоню, — сказал он.

Вот она.

Фраза, которой я ждала весь вечер.

Обещание.

Конкретное.

Понятное.

Мужчина сделал следующий шаг. Значит, всё происходило правильно.

— Буду рада, — ответила я.

Хотела сказать: «Буду ждать».

Но это прозвучало бы слишком откровенно.

Хотя именно этим я и собиралась заниматься.

Алексей попрощался.

Я несколько секунд смотрела ему вслед, потом вспомнила о Дэниеле и пошла обратно.

Теперь уже не бежала.

Во-первых, каблуки устали.

Во-вторых, мне требовалось время, чтобы вернуть лицу обычное выражение.

В-третьих, внутри меня всё ещё продолжался разговор.

Я вспоминала каждую фразу.

«Нужно было позвонить раньше».

«Исправляюсь».

«Обязательно вам позвоню».

Эти слова казались более значительными, чем всё, что происходило вокруг.

Когда я вошла в кафе, Дэниел сидел на прежнем месте.

Перед ним стояла пустая чашка. Тарелки уже убрали. Книга лежала раскрытой на столе.

Он поднял глаза.

— Хорошая встреча?

— Да.

— Все вопросы решили?

Я сняла пальто.

— Не все.

— Значит, будет ещё одна?

Я посмотрела на него.

Он спросил без подозрения, просто продолжая разговор.

— Возможно, — ответила я.

Дэниел закрыл книгу.

— Теперь мосты?

— Теперь мосты.

Мы вышли на Невский и пошли к набережной.

Дэниел рассказывал, что успел прочитать. Я слушала, отвечала и показывала дорогу.

Он находился рядом.

Вежливый, заботливый, надёжный.

А где-то впереди было лето.

Алексей приедет в Казань.

И обязательно позвонит.

Он сам это сказал.

Я поверила.

ГЛАВА 42

Последний день отпуска

Лето пришло в Казань вовремя.

Алексей — нет.

Я помнила даты его отпуска лучше собственных рабочих графиков. Он назвал их один раз, возле итальянского ресторана, а я немедленно сохранила сведения в той части памяти, где обычно хранятся самые важные документы.

Отпуск должен был начаться в середине месяца.

За несколько дней до этого я привела в порядок квартиру, хотя Алексей не собирался ко мне приходить.

Проверила машину, хотя он не просил его встречать.

Выбрала платье, туфли и лёгкую кофту на случай прохладного вечера.

Всё приготовила.

Оставалось дожидаться звонка.

В первый день я не волновалась.

Человек только приехал. Ему нужно увидеться с родителями, разобрать вещи, войти в привычный ритм. Нельзя требовать от мужчины, чтобы он, едва сойдя с поезда или самолёта, немедленно искал телефон.

На второй день тоже было рано.

На третий уже можно.

На четвёртый — желательно.

На пятый звонок становился вопросом не романтики, а элементарного соблюдения договорённостей.

Алексей молчал.

Утром я уходила на работу и просила маму:

— Если мне кто-нибудь позвонит, запиши, пожалуйста.

— Кто именно?

— Кто угодно.

— Дэниел?

— Нет.

— Алексей?

— Мама.

— Что «мама»? Я должна понимать, чьё имя записывать.

— Просто запиши все звонки.

Вечером на кухонном столе лежал листок.

«Ирина. перезвонить».

«Из института. Уточнить документы».

«Женщина ошиблась номером».

«Тётя Люба».

Алексея среди них не было.

На следующий день список выглядел почти так же.

Только вместо тёти Любы появился мастер по ремонту стиральных машин, которому никто из нас не звонил.

— Может быть, он ещё не приехал? — предположила мама.

— Приехал.

— Откуда знаешь?

— У него отпуск.

— Отпуск может начаться в одном месте, а человек быть в другом.

Это было разумно.

Я ухватилась за объяснение.

Возможно, Алексей задержался в Петербурге.

Возможно, поехал куда-то по службе.

Возможно, потерял мой номер.

Последнее казалось самым убедительным.

Бумажки теряются. Телефонные книги забываются. Карманы стираются вместе с записками. Человек может искренне хотеть позвонить, но не помнить цифры.

Правда, мой номер можно было узнать у Натальи Павловны.

Или у хозяйки петербургской квартиры, которая однажды уже провела успешную операцию по нашему соединению.

Или через общих знакомых.

При серьёзном желании номер находился.

Получалось, что либо желание было несерьёзным, либо мужчина отличался удивительной неспособностью пользоваться справочной информацией.

Ни то ни другое мне не нравилось.

На работе телефон стоял на краю стола.

Обычно я относилась к нему как к служебному инструменту. Он звонил, я отвечала, записывала сведения и принимала решение.

Теперь каждый звонок превращался в маленькую проверку нервной системы.

— УГИБДД, Сафина слушает.

— Элина Ринатовна, передайте Геннадию Павловичу...

Не он.

— Сафина слушает.

— Девушка, соедините с бухгалтерией.

Снова не он.

— Сафина слушает.

— Элина, ты сегодня обедать идёшь? — спрашивала Оксана из соседнего кабинета.

— Оксана, ты не можешь просто зайти?

— Могу. Но мне интересно, с какой скоростью ты хватаешь трубку.

Она появилась в дверях через несколько секунд.

— Никто не звонил?

— Звонили.

— Кто?

— Я.

— Кроме тебя?

— Руслан спрашивал документы.

— Ещё?

— Геннадий Павлович вызывал.

— Мужчина из Петербурга?

— Нет.

Оксана села напротив.

— Может, самой позвонить?

— Куда?

— Его маме.

— И что я скажу?

— «Здравствуйте, Наталья Павловна. Ваш сын обещал позвонить и нарушает устную договорённость».

— Очень романтично.

— Тогда скажи, что беспокоишься о его здоровье.

— Почему?

— Здоровый мужчина, имея твой номер, давно бы позвонил.

Я посмотрела на неё.

— Спасибо за поддержку.

— Пожалуйста.

Дни шли.

Я работала.

Встречалась с друзьями.

Ездила к бабушке и дедушке.

Отвечала на письма Дэниела.

Он вернулся в Канаду и снова писал регулярно. Рассказывал о работе, присылал фотографии и спрашивал, когда мы сможем увидеться. В его письмах всегда были планы.

В сообщениях Алексея не было ничего.

Потому что не было сообщений.

Я начинала сердиться.

Потом запрещаю себе сердиться.

Мы не состояли в отношениях. Алексей ничего мне не был должен. Он один раз поужинал со мной и пообещал позвонить во время отпуска.

Технически отпуск ещё не закончился.

Следовательно, обещание пока считалось действующим.

Я относилась к нему как к документу, срок исполнения которого наступает в последний день.

В середине отпуска мама сообщила:

— Наталья Павловна звонила.

— И что?

Я постаралась произнести вопрос равнодушно.

Получилось так, словно от ответа зависело государственное решение.
— Спрашивала про бабушку. Сказала, что Алексей приехал.
Значит, был в Казани.
Дышал тем же воздухом.
Ходил по тем же улицам.
Возможно, проезжал мимо моего дома.
И не звонил.
— Понятно, — сказала я.
— Тебе что-нибудь передать?
— Нет.
— Может, Наталье Павловне сказать, чтобы он...
— Ничего не надо говорить.
Мама посмотрела на меня.
— Хорошо.
Она умела не вмешиваться тогда, когда вмешаться очень хотелось.
За это я была ей особенно благодарна.
Я ждала дальше.
Первую неделю.
Вторую.
Потом перестала считать дни.
Не потому, что мне стало всё равно.
Просто достоинство потребовало прекратить вести календарь мужского молчания.
Платье я убрала в шкаф.
Туфли вернула на полку.
Лёгкую кофту стала носить на работу.
Подготовленная встреча постепенно превращалась в обычные вещи.
В предпоследний день отпуска я решила, что Алексей уже не позвонит.
Решение принесло странное облегчение.
Когда ждёшь, каждый час оставляет надежду.
Когда перестаёшь — возвращается жизнь.
Я согласилась вечером встретиться с Ириной и Ксенией, купила продукты домой и запланировала выходные. Всё снова стало понятным.
На следующий день зазвонил телефон.
Это был Алексей.
— Здравствуйте, Элина Ринатовна.
Я узнала его голос мгновенно.
Но на этот раз не позволила сердцу руководить разговором.
— Здравствуйте, Алексей Сергеевич.
— Не отвлекаю?
— Пока нет.
— Я в Казани.
— Я знаю.
Фраза прозвучала строже, чем я собиралась.
Алексей сделал короткую паузу.
— Хотел предложить встретиться.
Я посмотрела на календарь.
Последний день.
Именно сегодня срок исполнения устного обещания истекал.
Человек уложился.

Формально претензий не было.

— Когда? — спросила я.

— Сегодня вечером. Если у вас нет других планов.

Планы были.

Но рядом с ними внезапно появился высокий мужчина с Васильевского острова, и все остальные пункты исчезли.

— Есть, — ответила я.

Сама удивилась собственной смелости.

— Понимаю.

— Но я могу их перенести.

— Тогда прогуляемся?

— Хорошо.

Мы договорились встретиться на улице Баумана.

После разговора я позвонила Ирине.

— Сегодня не смогу.

— Почему?

— Алексей позвонил.

— Какой Алексей?

— Ирина.

— Я должна убедиться. За время его молчания мог появиться ещё один.

— Тот самый.

— Когда встречаетесь?

Я назвала время.

— Значит, всё-таки позвонил.

— В последний день отпуска.

— Возможно, у него календарь отрывной. Сегодня дошёл до листка «Позвонить Элине».

— Очень смешно.

— А завтра что?

— Завтра уезжает.

Ирина помолчала.

— Тогда сегодня он должен сказать что-нибудь важное.

— Например?

— Например, почему мужчина, которому понравилась женщина, ждёт до последнего дня.

— Кто сказал, что я ему понравилась?

— Ты.

— Я этого не говорила.

— Ты три недели разговариваешь только о том, что он не звонит. Это считается.

Я положила трубку и открыла шкаф.

Платье пришлось доставать обратно.

К счастью, одежда не обладала гордостью и не спросила, почему я сначала её убрала, а теперь снова нуждаюсь в помощи.

Вечером я пришла на Баумана немного раньше.

Улица была заполнена людьми. Работали кафе, возле магазинов останавливались прохожие, уличный музыкант играл знакомую мелодию. Тёплый воздух пах выпечкой, камнем после дневной жары и городским летом.

Алексей появился точно вовремя.

Я увидела его издали.

Он шёл навстречу в светлой рубашке и тёмных брюках — спокойный, высокий, заметный среди толпы.

Сердиться на него на расстоянии было легко.
Вблизи получилось хуже.
— Добрый вечер, — сказал он.
— Добрый.
— Рад вас видеть.
— Я тоже.
Это была правда.
Все приготовленные претензии исчезли.
Осталась только радость.
Мы пошли по улице.
Сначала говорили о Казани. Алексей рассказывал, куда успел съездить, с кем встретился, как изменился город. Я слушала и ждала, когда он объяснит, почему позвонил только сейчас.
Он не объяснял.
Тогда я стала помогать.
— Отпуск быстро прошёл?
— Очень.
— Наверное, дел было много?
— Хватало.
— Со всеми успели встретиться?
— Почти.
«Со мной — в последнюю очередь», — подумала я.
Вслух не сказала.
Мне хотелось, чтобы он сам понял.
Мужчины, как выяснилось, не всегда слышат фразы, которые женщины произносят исключительно мысленно.

У витрины с мороженым Алексей остановился.
— Хотите?
— Хочу.
Он купил два стаканчика.
Мы пошли дальше с мороженым в руках.

Я представляла эту встречу иначе.

В моём воображении Алексей приезжал с цветами. Сразу говорил, что думал обо мне. Потом объяснял своё молчание какой-нибудь уважительной причиной и предлагал видаться чаще.

В реальности мы ели мороженое.

Оно быстро таяло и капало на пальцы.

— Осторожно, — сказал Алексей и протянул салфетку.

— Спасибо.

Заботливо.

Но не признание.

Возле нас фотографировались молодожёны. Невеста в пышном платье поправляла фату, жених держал её букет и выглядел немного растерянным.

Я посмотрела на них.

Потом на Алексея.

Он тоже заметил пару.

— Летом свадеб особенно много, — сказал он.

— Наверное.

— Город красивый.

— Для свадьбы?

— Для фотографий.

Разговор снова ушёл не туда.

Я почти рассмеялась.

Судьба выставляла перед мужчиной невесту, жениха и белое платье, а он обсуждал архитектурный фон.

Мы дошли до конца пешеходной части улицы, потом повернули обратно. Алексей рассказывал о Петербурге, о работе, о людях, с которыми встретился в отпуске.

С ним по-прежнему было легко.

Мне хотелось слушать.

Хотелось идти рядом.

Хотелось, чтобы эта прогулка не заканчивалась.

И одновременно я злилась.

Не на него самого.

На эту неопределённость.

Алексей не был холоден. Не выглядел равнодушным. Он помнил наши разговоры, задавал вопросы, смеялся и внимательно слушал.

Но не делал главного.

Не говорил, что я ему нужна.

А я не умела спросить.

Мы остановились возле скамейки.

— Присядем? — предложил он.

Мы сели.

Вечер становился прохладнее. Людей на улице постепенно становилось меньше, в окнах зажигался свет.

— Ваш знакомый благополучно вернулся в Канаду? — спросил Алексей.

Я не сразу поняла.

— Дэниел?

Имя прозвучало впервые.

— Значит, Дэниел.

— Да. Вернулся.

— Ему понравился Петербург?
— Очень.
— И выпускной?
— Тоже.
Алексей кивнул.
Он запомнил человека, который ждал меня в кафе.
Это могло означать интерес.
Могло — простую хорошую память.
Я снова пыталась прочесть смысл там, где стоило задать прямой вопрос.
— Он часто приезжает? — спросил Алексей.
— Время от времени.
— Далеко лететь.
— Но он прилетает.
Фраза вырвалась сама.
Алексей посмотрел на меня.
Несколько секунд молчал.
— Значит, для него это важно, — сказал он.
Я ждала продолжения.
Его не последовало.

Когда мы поднялись со скамейки, стало уже темно.
Алексей проводил меня до машины.
Я шла медленно.
Давала ему время.
Возле автомобиля остановилась и повернулась к нему.
Вот сейчас.
Самый подходящий момент.
Тихая улица.
Летний вечер.
Последний день отпуска.
Завтра он уедет.

Если мужчина собирался сказать женщине что-то важное, лучшего места не существовало.

— Спасибо за прогулку, — сказал Алексей.

— Вам спасибо.

— Был рад увидеться.

— Я тоже.

Пауза.

Я слышала далёкие машины, голоса прохожих и собственное сердце.

Алексей ничего не добавил.

— Завтра уезжаете? — спросила я.

— Да.

— Надолго?

— До следующего отпуска.

— Понятно.

Мне хотелось сказать:

«Позвоните мне из Петербурга».

Или:

«Приезжайте раньше».

Или просто:

«Не исчезайте».

Но я промолчала.

Женщину должен выбирать мужчина.

Если он не выбирает, значит, такова судьба.

Алексей попрощался и пошёл по улице.

Я села в машину, но заводить её не стала.

Смотрела, как он удаляется.

Высокий.

Статный.

И снова спиной ко мне.

В первую встречу одного этого силуэта оказалось достаточно, чтобы я подумала: «Это мой муж».

Теперь хотелось добавить:

«Только он пока об этом не знает».

Я улыбнулась.

Потом стало грустно.

Не трагически.

Не так, чтобы плакать и обвинять жизнь в несправедливости.

Просто тихо и непонятно.

Всё было рядом.

Человек.

Чувство.

Лёгкость.

Радость.

Не хватало одного шага.

Я ждала, что его сделает Алексей.

Алексей, возможно, ждал чего-то ещё.

Но его мысли принадлежали ему, и я не могла написать их вместо него.

Факты оставались простыми.

Мне он был нужен.

Я этого не сказала.

Он ушёл.

Он тоже ничего не сказал.

Я завела машину и отправилась домой.

На следующий день Алексей покинул Казань.

Я всё ещё верила, что он позвонит из Петербурга.

Что наша встреча продолжится.

Что однажды мы перестанем ходить вокруг главных слов и произнесём их вслух.

Но дни снова складывались в недели.

А телефон молчал.

ГЛАВА 43

Как в море корабли

После того вечера на Баумана я ещё долго убеждала себя, что всё нормально.

Женщина вообще способна убедить себя в чём угодно, если ей очень хочется сохранить красивую версию событий.

Не позвонил сегодня — значит, занят.

Не позвонил завтра — значит, неудобно.

Не позвонил через неделю — значит, мужчина серьёзный, не болтает попусту.

Не позвонил через месяц — значит...

Вот тут уже даже самая воспитанная фантазия начинала кашлять в кулак.

Я работала, жила, смеялась, отвечала на вопросы, подписывала бумаги, ходила по коридорам, где всё было знакомо до последней трещинки на стене, и при этом внутри меня словно работал маленький дежурный.

Он сидел где-то под сердцем, в форме, при фуражке и с журналом регистрации входящих звонков.

— Так, — говорил он. — Звонок был?

— Нет.

— Понятно. Продолжаем наблюдение.

И продолжали.

Телефон в те годы ещё не был продолжением руки, как сейчас. Сейчас человек может не отвечать пять минут, и окружающие уже готовы объявить его пропавшим без вести, собрать поисковый отряд и написать в интернете: «Последний раз был онлайн в 14:03».

Тогда всё было спокойнее. Но от этого не легче.

Телефон стоял дома на своём месте, как предмет мебели с характером. На работе — служебные звонки, дома — домашние. И каждый раз, когда он звонил, я успевала прожить целую жизнь между первым и вторым гудком.

Может, это он.

Может, всё-таки.

Может, сейчас скажет: «Элина, я много думал...»

А потом в трубке раздавался голос тёти из поликлиники, маминой знакомой, соседки Тамары Ивановны или, что особенно обидно, человека, ошибшегося номером.

Один раз мужчина в трубке уверенно сказал:

— Аллю, это гараж?

Я посмотрела на телефон так, будто он лично меня предал.

— Нет, — сказала я. — Это не гараж.

— А где гараж?

— Если бы я знала, где находится всё, что мне нужно, я была бы очень счастливым человеком.

Мужчина помолчал.

— Девушка, вы что, шутите?

— Я пытаюсь, — честно сказала я.

Он извинился и повесил трубку, а я ещё минуту стояла с трубкой в руке и думала, что где-то в городе человек ищет гараж, а я ищу мужчину, который молчит. В общем, у каждого свой маршрут.

Мама на меня не давила.

Это было хуже.

Если бы она спрашивала каждый день: «Ну что, позвонил?» — я бы могла обижаться, закрываться, говорить: «Мама, ну хватит». А она просто смотрела иногда так мягко, так осторожно, что я сразу понимала: она всё видит.

Мама вообще видела то, что я сама от себя прятала.

Однажды вечером она поставила передо мной чай, села напротив и сказала:

— Может, он просто такой человек.

— Какой?

— Медленный.

Я усмехнулась.

— Мам, он не медленный. Он статичный.

Мама улыбнулась в чашку.

— Зато красивый.

— Вот именно. Это и мешает мне быть объективной.

— Красота, конечно, осложняет следствие, — сказала мама.

И мы обе рассмеялись.

Смеяться было спасительно. Без смеха всё становилось слишком серьёзным, а серьёзность я тогда не любила. Мне казалось, что стоит только признать: «Да, мне больно, да, я жду, да, мне обидно», — и всё сразу станет настоящим. А пока мы шутили, это было как будто не совсем трагедия, а так, временное недоразумение в отделе личной жизни.

Папа держался по-своему.

Он не задавал прямых вопросов. Мужчины вообще часто считают, что если не задавать вопрос, то проблема не обидится и сама уйдёт.

Однажды он только сказал:

— Если мужчина хочет, он найдёт способ.

Я промолчала.

Папа тоже помолчал, потом добавил:

— Но иногда мужчины бывают дураки.

— Это официальная версия?

— Это семейная.

И ушёл на кухню искать хлеб, хотя хлеб лежал прямо перед ним. В нашей семье это тоже было формой философии.

А потом позвонил Дэниел.

Он звонил всегда по-другому.

Не внезапно, не как испытание, не как молчаливая загадка. Он появлялся в моей жизни с какой-то удивительной деликатной конкретностью.

— Элина, добрый вечер. Я надеюсь, я не поздно звоню?

И всё.

Он не заставлял меня угадывать. Он не проверял, буду ли я ждать. Он не исчезал, чтобы стать значительнее. Он просто был.

В этом «просто был» сначала не было романтического грома. Не было той искры, от которой внутри всё замирает и становится страшно красиво. Зато было что-то другое: тепло, внимание, устойчивость.

Он спрашивал, как прошёл день. Помнил, что у мамы болело плечо. Спрашивал, удалось ли мне сдать какие-то документы, о которых я сама уже забыла, что рассказывала. Интересовался, не замёрзла ли я, хотя находился в Канаде и, по моему мнению, не имел морального права переживать за казанскую погоду, когда у него там океан, горы и всё как на открытке.

— У нас тоже бывает холодно, — говорил он.

— Дэниел, у вас холодно красиво. А у нас холодно с очередью в маршрутку.

Он смеялся тихо, по-доброму.

Я тогда ещё не понимала, как сильно человек может расположить к себе не широким жестом, а регулярностью. Не обещанием достать звезду, а тем, что он каждый раз помнит, где лежит твоя маленькая земная тревога.

Через какое-то время он сказал:

— Я хотел бы приехать снова. Если вы не против.

Я посмотрела на телефон.

Вот так просто.

Не «может быть». Не «когда-нибудь». Не молчание длиной в сезон.

— Приезжайте, — сказала я.

И сама удивилась, как легко прозвучал мой голос.

Когда я сказала об этом дома, мама сначала обрадовалась, потом испугалась, потом снова обрадовалась. У мам это всё происходит на одном лице, как смена времён года за тридцать секунд.

— Он опять приедет?

— Да.

— А надолго?

— Не знаю.

— А что готовить?

Вот она, настоящая женская готовность к международным отношениям.

Не «любишь ли ты его», не «что будет дальше», не «какие у вас планы».

А: что готовить?

Потому что любовь любовью, а голодный иностранец — это уже ответственность перед страной.

Дэниел прилетел в Казань с таким количеством подарков, будто собирался не в гости, а открывать маленький дипломатический склад.

Он вёз всё аккуратно, в красивых пакетах, с ленточками, с открытками, с какими-то коробочками, которые выглядели так, что их было жалко даже открывать. Мама потом сказала:

— Видно, человек готовился.

Папа посмотрел на гору подарков и сказал:

— Видно, человек прошёл таможню с боем.

С Дэниелом дома сразу случился один из тех моментов, которые невозможно придумать специально, потому что жизнь в бытовой комедии всегда талантливее автора.

Мама решила накормить его как следует.

«Как следует» в нашем доме означало, что человек должен был встать из-за стола не просто сытым, а немного переосмыслившим свои жизненные возможности.

На столе появились салаты, суп, второе, пироги, соленья, что-то рыбное, что-то мясное, что-то «на всякий случай», и ещё тарелка, которую мама поставила со словами:

— Это пусть будет.

Дэниел смотрел на стол с выражением уважения и лёгкого страха.

— It is... very beautiful, — сказал он.

— Он говорит, красиво, — перевела я.

Мама расправила плечи.

— Красиво потом. Пусть ест.

Я перевела мягче:

— Мама очень рада, что вы приехали.

Дэниел кивнул и начал есть. Он ел вежливо, аккуратно, благодарно. Мама сияла. Папа наблюдал с интересом человека, который оценивает выносливость иностранного гостя.

Через некоторое время мама подложила ему ещё.

Дэниел поблагодарил.

Потом ещё.

Он снова поблагодарил, но уже чуть тише.

Когда мама потянулась к ложке в третий раз, я осторожно сказала:

— Мам, он же человек, не чемодан. В него нельзя бесконечно складывать.

Папа кашлянул в кулак.

Дэниел ничего не понял, но на всякий случай улыбнулся.

— Everything is very delicious, — сказал он.

— Он говорит, всё очень вкусно.

Мама была счастлива.

— Ну вот, — сказала она. — Значит, наш человек.

Так Дэниел, сам того не зная, прошёл первый семейный экзамен. Не по языку, не по культуре, не по традициям. По способности выжить за нашим столом.

В следующие дни он вёл себя так, будто Казань была не просто городом, куда он приехал к женщине, которая ему нравилась, а местом, которое он хотел понять.

Он ходил со мной по улицам, слушал мои рассказы, задавал вопросы, фотографировал здания, улыбался людям, терпеливо ждал, пока я объясняла ему разницу между «сейчас» и «сейчас-сейчас», и очень серьёзно пытался произносить русские слова.

Особенно ему понравилось слово «нормально».

— Нормально, — повторял он с акцентом.

— Это опасное слово, — предупреждала я. — Оно может означать всё. Хорошо, плохо, ужасно, прекрасно, отстань, я не хочу об этом говорить.

— Нормально, — снова говорил он.

— Вот. Уже почти русский.

Однажды мы зашли в магазин, и продавщица спросила:

— Вам пакет нужен?

Дэниел посмотрел на меня.

— What is пакет?

— Это отдельная философия, — сказала я. — В России пакет нужен всегда, даже если ты пришёл за одним батоном. Потому что вдруг жизнь даст тебе ещё что-нибудь.

Дэниел купил пакет.

Потом бережно сложил туда один маленький сувенир.

И нёс его так торжественно, будто ему доверили государственную тайну.

Мне было с ним спокойно.

Не так, как с Алексеем.

С Алексеем мне было тревожно-светло. Будто я стою на берегу и вижу вдали корабль, который может подойти, а может пройти мимо. И я не могу ни махнуть слишком сильно, ни отвернуться, потому что вдруг он всё-таки повернёт ко мне.

С Дэниелом было иначе. Он не был кораблём на горизонте. Он уже стоял у причала, держал в руках билет, спрашивал, удобно ли мне, и заранее узнавал, не будет ли мне холодно в дороге.

И вот это различие сначала казалось мне почти несправедливым.

Почему сердце так часто выбирает не того, кто рядом, а того, кто молчит? Почему женщина может часами вспоминать один взгляд человека, который не звонит, и при этом спокойно принимать заботу того, кто прилетел через полмира?

Я тогда не знала ответа.

Я только жила внутри этого странного, смешного и немного мучительного треугольника, где один мужчина был как чувство, а другой — как действие.

И действие постепенно занимало всё больше места.

Дэниел быстро стал своим в моём окружении.

На работе его появление произвело эффект небольшой международной конференции.

Оксана, увидев его в коридоре с букетом, прошептала:

— Элина, он опять настоящий.

— А в прошлый раз был какой?

— Ну мало ли. Вдруг ты нам всё придумала для поднятия служебного духа.

Руслан Фаридович, проходя мимо, оценил букет, потом Дэниела, потом меня.

— Так, — сказал он. — Иностраный объект снова пересёк границу личной жизни.

— Руслан, ты можешь хоть один раз сказать что-нибудь человеческое?

— Могу. Цветы хорошие.

— Спасибо.

— Но парковка у него всё равно неправильная.

Дэниел не понимал, почему мы смеёмся, но смеялся вместе с нами. Он вообще обладал редким даром не обижаться на то, что не всё понимает. Многие люди, попав в чужую языковую среду, становятся напряжёнными. Дэниел становился внимательным.

Он наблюдал за лицами, интонациями, жестами. Иногда спрашивал меня потом:

— Это была шутка?

— Да.

— Хорошая?

— Средняя.

— Я смеялся правильно?

— Идеально. Даже лучше, чем шутка заслуживала.

Он улыбался.

И это было обезоруживающе.

Потом начались его приезды.

Не так, чтобы каждый месяц, конечно. Всё-таки между Казанью и Канадой не две остановки на трамвае. Но он появлялся регулярно. Звонил заранее. Согласовывал даты. Покупал билеты. Присылал маршрут. Спрашивал, удобно ли мне.

И каждый раз я ловила себя на странном чувстве: мне не надо было его ждать так, как ждут чудо. Потому что чудо обычно капризное: хочет — случится, хочет — нет. Дэниел не был чудом. Он был человеком, который выполнял обещания.

Алексей за это время не исчез из моей памяти.

Это было бы слишком просто.

Иногда мне казалось, что я уже всё отпустила. Что всё, хватит, взрослая женщина, работа, дела, жизнь идёт. А потом я могла услышать случайно слово «Питер», увидеть в витрине мужской шарф похожего цвета или пройти мимо ювелирного магазина и вспомнить его руку, голос, то, как он говорил спокойно и немного иронично.

И всё внутри опять делало шаг туда, где никто меня не ждал.

Самое обидное в ожидании — оно не всегда выглядит драматично.

Иногда ты не сидишь у окна в белом платье с погасшей свечой. Иногда ты просто покупаешь хлеб, выбираешь помидоры, отвечаешь коллегам, смеёшься, красишь губы, а где-то внутри маленькая часть тебя всё ещё смотрит на телефон.

И никто не видит.

И даже ты сама делаешь вид, что не видишь.

Ирина однажды сказала мне:

— Ты как будто живёшь на два расписания.

Мы сидели в кафе, и она мешала ложечкой чай так энергично, будто собиралась вызвать водоворот и найти там истину.

— На какие два?

— На своё и на его возможное.

— Чьё его?

Ирина посмотрела на меня так, как смотрят подруги, когда ты задаёшь вопрос, на который они уже знают ответ, ты знаешь ответ, стол знает ответ и даже чай в стакане знает ответ.

— Элина.

— Что?

— Не делай лицо сотрудника, который ничего не понимает без письменного заявления. Я засмеялась.

— Я не жду.

— Конечно. Ты просто иногда смотришь на телефон так, будто он должен родить тебе судьбу.

— Ирина!

— А что? Я говорю как есть. Ты его видела сколько? Несколько раз?

— Достаточно.

— Для чего?

Я не ответила.

Ирина стала мягче.

— Я не говорю, что ты придумала. Я видела тебя после той встречи. У тебя было такое лицо, будто ты нашла улицу, на которой когда-нибудь будет твой дом. Но, Элина... дом строят. В него не просто смотрят издали.

Мне не хотелось с ней спорить, потому что она была права. А с правыми подругами спорить особенно неприятно. Они вроде бы тебя не ругают, но почему-то хочется заказать ещё пирожное и закрыть тему.

— Дэниел хороший, — сказала Ирина.

— Я знаю.

— Очень хороший.

— Я знаю.

— И он рядом.

— И это я тоже знаю.

— Тогда чего ты не знаешь?

Я посмотрела в окно. По улице шли люди: кто-то торопился, кто-то смеялся, кто-то нёс пакеты, кто-то ругался по телефону. У всех были свои маршруты. И только у меня внутри как будто стоял перекрёсток без знаков.

— Я не знаю, можно ли выбрать человека за то, что он выбрал тебя, — сказала я наконец. Ирина помолчала.

— Нельзя только за это. Но можно присмотреться к тому, кто выбрал тебя не словами, а поступками.

Я вздохнула.

— Ты стала слишком мудрой.

— Это потому что я сегодня без каблуков. Кровь лучше поступает к голове.

Мы рассмеялись, и напряжение ушло. Но её слова остались.

Присмотреться.

Я и присматривалась.

Дэниел не торопил меня. Это было в нём очень важно.

Он не требовал ответа, не устраивал сцен, не пытался купить моё решение подарками. Да, он был щедрым, заботливым, иногда даже чрезмерно. Но в его заботе не было давления. Скорее, он будто говорил: «Вот так я умею любить. Посмотри, подходит ли тебе это».

Мы ездили вместе.

Сначала недалеко, потом дальше. Он показывал мне города, рестораны, маленькие улицы, красивые виды. Я видела с ним мир, который раньше казался почти киношным. Утренние гостиничные завтраки, где я не знала, с какой стороны подойти к некоторым приборам. Аэропорты, где люди говорили на разных языках, а я каждый раз проверяла паспорт с таким видом, будто он мог обидеться и исчезнуть. Магазины, где консультанты улыбались так широко, что я сначала подозревала подвох.

Дэниел в этих поездках раскрывался особенно.

Он был внимателен к мелочам. Если я уставала, он это замечал раньше меня. Если мне что-то нравилось, он запоминал. Если я терялась в незнакомом месте, он не смеялся, а просто протягивал руку.

Однажды в аэропорту я перепутала выходы и уверенно повела нас не туда.

— Are you sure? — спросил он.

— Абсолютно, — сказала я.

Через пять минут мы стояли перед дверью с надписью, которая явно не обещала нам посадку на самолёт.

Дэниел посмотрел на дверь, потом на меня.

— Maybe not absolutely?

— Это был тест, — сказала я. — Проверяла, доверяете ли вы мне.

— I trust you.

— Зря.

Он рассмеялся так искренне, что даже охранник неподалёку улыбнулся.

И вот в такие моменты мне было легко.

С ним вообще часто было легко.

Не всегда страстно. Не всегда судьбоносно. Но легко.

А лёгкость — опасная вещь. К ней быстро привыкаешь.

Особенно если до этого долго жила в напряжении.

Прошло несколько месяцев.

Потом ещё.

Время удивительно умеет делать свою работу, не спрашивая нашего согласия.

Сначала я считала недели после отъезда Алексея. Потом перестала считать. Потом вдруг поняла, что почти год живу с одной и той же незавершённой фразой внутри.

Он так и не сделал шага.

Не плохого. Не хорошего.

Никакого.

Я иногда думала: может быть, я сама должна была позвонить? Сказать? Объяснить? Но каждый раз упиралась в одну простую вещь: я уже сделала достаточно, чтобы он понял. Я приехала. Я встретила. Я была открыта. Я не пряталась за равнодушием.

А дальше мужчина либо идёт навстречу, либо остаётся красивым воспоминанием у дороги.

И всё же окончательно отпустить было трудно.

Потому что Алексей был не просто человеком. Он был тем самым «если бы».

А «если бы» — это очень коварная территория. Там всегда хорошая погода. Там никто не опаздывает, не молчит не вовремя, не говорит глупостей, не разочаровывает. Там всё могло бы быть прекрасно, потому что ничего ещё не произошло.

Дэниел жил не в «если бы».

Он жил в реальности.

Звонил.

Прилетал.

Писал.

Помогал.

Спрашивал.

Ждал.

И однажды эта реальность пришла ко мне не с букетом, не с украшением, не с очередным красивым планом на ужин, а с предложением, которое изменило всё.

Это был обычный вечер.

Такие вечера потом особенно странно вспоминать. Ничего не предвещает. Чай остывает, на стуле лежит одежда, мама где-то на кухне гремит посудой, телефон стоит на своём месте, город за окном живёт как всегда.

Дэниел позвонил из Канады.

Голос у него был спокойный, но я уже научилась слышать в этой спокойности волнение.

— Элина, я хотел бы поговорить с вами о важном.

Я села ровнее.

Женщина всегда садится ровнее, когда мужчина говорит «о важном». Даже если до этого лежала на диване в позе человека, который разочаровался в человечестве.

— Я слушаю.

Он помолчал.

— Я хочу, чтобы вы приехали ко мне в Ванкувер. Не на несколько дней. Дольше. Посмотреть город, школу, жизнь. Посмотреть, как это может быть.

Я молчала.

Ванкувер.

Слово легло между нами как открытка из другого мира.

Океан. Горы. Другая страна. Другой язык. Другая жизнь.

И мужчина, который не стоял на берегу вдалеке, а протягивал мне руку.

— Я помогу со всеми документами, — продолжал Дэниел. — Вам не нужно бояться. Я всё организую. Но решение, конечно, только ваше.

Вот за это «решение только ваше» мне хотелось то ли заплакать, то ли рассмеяться.

Потому что в моей жизни вдруг появился человек, который мог позволить себе многое, но не пытался забрать у меня право выбирать.

После разговора я ещё долго сидела с трубкой в руке, хотя связь уже прервалась.

Мама заглянула в комнату.

— Что случилось?

— Меня зовут в Канаду.

Она не сразу ответила.

Потом вошла, села рядом и посмотрела на меня. Не испуганно. Не радостно. Как-то очень внимательно.

— Надолго?

— Не знаю.

— А ты?

— Я тоже не знаю.

Мама кивнула, будто именно этого ответа и ожидала.

— Значит, надо подумать.

— Мам, а если это ошибка?

— Ошибкой может быть и уехать, и остаться.

— Спасибо, очень помогла.

Она улыбнулась.

— Я не волшебница, я мама. Могу накормить.

И ушла на кухню.

Через минуту вернулась с тарелкой.

Это был наш семейный способ переживать большие решения: сначала чай, потом паника, потом бутерброд, потом уже философия.

Я ела и думала, что где-то в Петербурге живёт человек, который однажды обернулся ко мне у метро на Васильевском острове, и от этого поворота моя жизнь будто на мгновение загорелась. А где-то за океаном живёт человек, который не заставляет меня гадать, нужна ли я ему.

Они были как два корабля.

Один — красивый, далёкий, почти нереальный, с огнями на горизонте.

Другой — рядом, надёжный, с открытой палубой и приглашением подняться.

А я стояла на берегу и впервые понимала: иногда судьба — это не тот, кто мелькнул ярче всех.

Иногда судьба начинается с того, кто не уплыл.

ГЛАВА 44

Синица и журавль

Есть решения, которые приходят в жизнь торжественно.

С музыкой, фанфарами, с красивым светом, как в кино: героиня стоит у окна, ветер развевает волосы, где-то вдали играет скрипка, и всё понятно.

А есть решения, которые приходят через список документов.

В моём случае судьба сначала постучала не в сердце, а в папку с файлами.

Дэниел, конечно, всё объяснял очень спокойно. У него вообще была удивительная способность говорить о больших переменах так, будто речь шла не о переезде через океан, а о покупке удобной лампы.

— Элина, вам нужно будет подготовить документы. Я пришлю список. Не волнуйтесь, я помогу.

«Не волнуйтесь» — прекрасная фраза. Особенно когда после неё тебе присылают список, от которого хочется немедленно лечь лицом в подушку и попросить гражданство у дивана.

Паспорт.

Анкеты.

Справки.

Переводы.

Фотографии.

Подтверждения.

Ещё какие-то подтверждения подтверждений.

Я смотрела на этот список и думала: женщина мечтала о любви, а получила квест.

Причём квест международного уровня.

На работе я распечатала бумаги и положила их перед собой. Бумаги лежали на столе невинно, но явно знали, что их много.

Оксана заглянула ко мне, увидела моё лицо и сразу спросила:

— Что случилось?

— Меня зовут в Канаду.

Она моргнула.

— В смысле в гости?

— В смысле посмотреть жизнь.

— Жизнь где?

— В Ванкувере.

Оксана села напротив без приглашения. Хорошая подруга всегда знает: если разговор пахнет судьбой, стул можно не спрашивать.

— Так, — сказала она. — Давай сначала. Кто зовёт?

— Дэниел.

— Красивый букет?

— Оксана.

— Я уточняю по делу. У нас кандидатов много не было, но этот хотя бы приезжал с цветами и документами.

— Документы пока я собираю.

— Значит, серьёзный.

Я засмеялась.

— По-твоему, серьёзность мужчины измеряется количеством бумаг?

— В нашей стране, Элина, всё серьёзное измеряется бумагами. Любовь — не исключение.

Руслан Фаридович, проходя мимо, увидел на столе распечатки и притормозил.

— Опять иностранный объект?

— Руслан, иди мимо.

— Не могу. Служебная интуиция. У вас тут явно пересечение границы.

Оксана тут же оживилась:

— Элину зовут в Канаду.

Руслан посмотрел на меня, потом на бумаги.

— На постоянной основе или временно нарушить покой другого государства?

— Пока посмотреть.

— Смотреть можно, — сказал он серьёзно. — Главное, не забыть обратный маршрут.

Я пожала плечами.

— Вот именно.

Руслан хотел сказать что-то ещё, но передумал. И это было редкое явление. Обычно если Руслан Фаридович уже начал говорить, остановить его могли только приказ начальства или пирожок.

— Элина, — сказал он наконец, — если человек зовёт тебя туда, где сам живёт, это не прогулка по Баумана. Это уже намерение.

Он ушёл, оставив после себя эту неожиданно человеческую фразу.

Оксана посмотрела ему вслед.

— Иногда он пугает меня нормальностью.

— Меня тоже.

Мы обе засмеялись, но смех вышел тихий.

Потому что все уже понимали: это не просто очередной приезд Дэниела. Не очередной букет, не ужин, не прогулка. Это была дверь.

И мне предлагали войти.

Дома список документов произвёл на маму впечатление, сравнимое с появлением нового родственника.

Она взяла лист, прочитала первые строки, потом перевернула, потом снова перевернула.

— Это всё?

— Нет, это первая страница.

Мама посмотрела на меня.

— А сколько страниц?

— Несколько.

— Элина, ты замуж собираешься или предприятие открываешь?

— Мам, пока только еду посмотреть.

— Посмотреть можно и в телевизоре.

Папа в это время пил чай и делал вид, что не слушает. Но когда мама дошла до слова «Ванкувер», он поставил чашку чуть громче обычного.

— Далеко, — сказал он.

— Далеко, — согласилась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.